

«Они сражались, жили и любили в тылу и на передовой...»

New York Times

Руби ДЖЕКСОН

АНГЕЛЫ
ЧЕРЧИЛЛЯ

Выбор
Publishers
Weekly

Best
First
Novel

Руби Джексон Ангелы Черчилля

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658087
Руби Джексон. Ангелы Черчилля: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71130-7*

Аннотация

Ах, если б не война! Не было бы похоронок, голода, бомбежек, липкого страха...

Но когда бы еще дочь провинциального бакалейщика Дейзи смогла познакомиться с летчиком ВВС сэром Эдейром Максвеллом?

Чтобы не потерять хрупкую связь, возникшую между ними, Дейзи становится механиком. За самоотверженность и веру таких, как она, называют «ангелами Черчилля». Но Дейзи мечтает когда-нибудь услышать «ты – мой ангел» из уст любимого.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	30
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Руби Джексон Ангелы Черчилля

Глава 1

Август 1939 года

– Всего доброго, миссис Ричардсон!

Дейзи Петри придержала дверь для последней посетительницы, с ворчанием покидавшей лавку.

– Боже, дай мне сил! – прошептала Дейзи. – Я должна отсюда вырваться!

Некоторое время она стояла и наблюдала за пожилой женщиной, удалявшейся по людной Хай-стрит. Два больших трамвая со звоном разъехались, дребезжа по рельсам, порыв свежего ветра донес до слуха невнятные голоса водителя и водителя грузовика.

Все предвещало потепление, при котором запах свежей рыбы из открытого окна соседней лавки станет еще сильнее.

«Только бы рыбу купили, прежде чем она протухнет!» – уныло подумала Дейзи, пятясь внутри магазинчика «Бакалейные товары и лучшие сорта чая от Петри».

Это было семейное дело, которому она, пока росла, посвящала почти каждую свою субботу, а когда окончила школу, стала трудиться здесь всю неделю. Милое местечко, как и положено маленькой семейной бакалее. Стена позади прилавка раньше казалась Дейзи волшебной; теперь там снизу доверху стояли большие черные банки с экзотическими китайскими драконами, яркими, как райские птицы. В банках хранились благоуханные чайные листья, ждавшие, когда их взвесят и продадут покупателям, умеющим делать правильный выбор.

Широкая витрина, в которую Фред Петри – отец Дейзи – выкладывал товар, предлагавшийся в этот день со скидкой, выходила на запруженную людьми Хай-стрит. Сейчас посередине улицы стояла миссис Ричардсон и самозабвенно болтала с молодой миссис Дэвис. Та очень старалась быть вежливой и одновременно не упускать из виду двоих своих малышек, только начавших ходить и проявлявших в связи с этим тревожившую их мать непоседливость.

– Оказывается, не так уж она устала... – промолвила Дейзи, ни к кому не обращаясь. Только что миссис Ричардсон громко возмущалась из-за необходимости ждать, пока Дейзи обслужит трех покупательниц, стоявших в очереди впереди.

– Продавцов должно быть двое каждый день, Дейзи, а не только тогда, когда это удобно вам самим. Так я и скажу твоему отцу или матери, когда их увижу. Это бесконечное стояние меня буквально убивает!

Дейзи извинялась, объясняла, что отец отлучился на рынок – день-то базарный, а мать... Вместо того чтобы уточнить, куда подевалась ее мать, она неопределенно махнула рукой и ограничилась словами «занята в подсобке» – пусть ворчунья понимает это как хочет. На самом деле мать Дейзи находилась наверху, в квартире, где жила их семья, и готовила угощения для вечеринки, которую Дейзи и ее сестра-близнец Роуз устраивали для своей подружки Салли Бруэр. К радости и к некоторой зависти Дейзи, Салли приняла в театральный колледж.

Каково это – учиться в колледже, каждый день узнавать что-то новое, заработать диплом со своей фамилией и особенными многозначительными буквами после нее, который позволит продемонстрировать миру, что ты на что-то годна?

«Я хочу употребить свою жизнь на что-то большее, чем взвешивание чайного листа и чечевицы... Но что это будет?»

Дейзи посмотрела на себя в зеркало на дверце буфета с патентованными лекарственными средствами и нахмурилась. Вот бы быть похожей на Салли – высокую, стройную, большеглазую, с иссиня-черными волосами! Или по крайней мере на свою сестрицу Роуз, такую же высокую и стройную, как Салли, только с волосами цвета кукурузы, как у большинства в семействе Петри, зато достающими до пояса! Уж она бы не стала прятать такое богатство, заплетая его в тугую косу. Дейзи не находила ничего достойного внимания в своих коротких темных волосах, в красивом разрезе зеленых глаз, в крепко сбитой спортивной фигуре. От нее ускользала доброта во взоре, мерцающая в нем потребность видеть в окружающих только лучшее.

«Я застряла здесь, потому что в лавке маме, когда она занята наверху, нужна помощница. Как все просто!»

Четыре года. Четыре года, пять с половиной рабочих дней в неделю. Роуз трудилась в лавке каждую вторую субботу и иногда в школьные каникулы, что же касается их с Дейзи братьев, то ни один из троих никогда не стоял за прилавком. Старший, Сэм, развозил заказы в фургоне и поддерживал его в рабочем состоянии – навык, который он сумел передать сестрам. Обе научились вождению еще младшими школьницами и к пятнадцати годам разбирались в двигателе не хуже Сэма.

Друзья и соседи часто говорили ему: «Тебе бы пойти по отцовским стопам, вон какой вымахал!» Но Сэм ясно давал понять, что такое будущее его не привлекает, и, как только позволил возраст, записался на армейскую службу. Рон, Фил и Роуз, заканчивая школу, один за другим поступали работать на местные фабрики. У одной Дейзи не оказалось выбора.

«По сравнению с Роуз ты слишком хрупкая, милая Дейзи! Будешь работать здесь, в лавке, – и можешь не бояться промокнуть или замерзнуть зимой. Запираешь дверь в шесть часов – и дело с концом, ты дома».

Да, но как быть со скукой? Дейзи постоянно тосковала, но не смела в этом признаться.

Много лет назад мать решила, что ее Дейзи – болезненная девочка. Причиной было, наверное, то, что она отставала ростом от сестры и братьев, а вовсе не какая-то особенная подверженность детским болезням. Все дети в семье Петри – накормленные, тепло одетые, вовсе не обделенные родительской любовью – миновали нежный возраст почти без осложнений и неприятностей. Но что бы ни говорили окружающие, в том числе местная приходящая медсестра, миссис Петри упрямо стояла на своем. «Слишком хрупкая» Дейзи осталась дома – и грезилась о совсем другой жизни. Правда, ей еще не удалось найти ответа на вопрос, какой могла бы быть эта жизнь...

Она вернулась за прилавок, к гордости и радости своего отца – великолепному древнему кассовому аппарату компании «Нэшнл Кеш Реджистер» из далекого Огайо, возвышавшемуся здесь столько, сколько она себя помнила, и тщательно его оглядела. На поверхности кассы, обычно лучезарной, обнаружилось масляное пятнышко. Она понюхала его. Сардины? Как, интересно, масло из банки с сардинами сюда попало? Она взяла из спрятанного под прилавком ведра чистую тряпку и тщательно вытерла пятно. Рыбный запах никуда не делся. Она распахнула дверь, чтобы устранить беспорядок притоком свежего воздуха.

– Как видишь, я все отлично рассчитал и не опоздал! – доложил отец, появившийся на пороге, лишь только она открыла дверь, и вопросительно посмотрел на тряпку у дочери в руках.

– Масло от сардин на прилавке, – объяснила она.

– Прости, дочка, грешен, открыл баночку для соседского кота. Хочется его приманить: пусть заходит на страх мышам, а то они к нам повадились! Что происходило в мое отсутствие?

– Все как обычно. Сперва покупатели шли один за другим, а затем появилась троица вечных жалобщиков со своим заученным нытьем. Сначала миссис Ричардсон, недовольная, что оказалась последней в очереди, за ней мисс Шоусмит, рассерженная ценой бекона. Мисс Патридж все не может взять в толк, почему у нас нет резинок для трусов нужной ей ширины. Мне пришлось прикусить язык: так и подмывало отправить ее с этим вопросом в галантерею. А тут еще викарий: сахар, мол, уже теперь поступает с перебоями, а что будет в случае войны? Карточки введут? В общем, обычное утро пятницы. – Она пригляделась к отцу. – Что-то ты устал, папа. Лучше присядь отдохни, а я сбегаю наверх и согрею нам с тобой чайку.

– И то верно, молодец, Дейзи. Я правда утомился. Боюсь, мне уже нельзя ворочать тяжелые мешки так лихо, как раньше. Я оставил все, что привез, в кузове, до возвращения парней. А мистеру Тайвертону, когда он опять наведается, скажи, что никакой войны не будет. Я для того и пошел на фронт в прошлый раз, чтобы всем войнам пришел конец.

– Для чего же снова открывают старые инфекционные больницы, хотя бы «Джойс Грин», папа, – на случай эпидемии чумы, что ли?

– Они там все перепутали, доченька. Кайзер Вилли нам больше не страшен. К тому же король, благослови его бог, состоит с ним в родстве.

– Не думаю, что это на что-то повлияет, – прошептала Дейзи и побежала по застеленной ковром лестнице наверх, в тесную квартиру, где ютилась семья. Мать она застала в уютной кухоньке, где царствовал запах печеных яблок.

– Пришло время попить чаю, Дейзи? Я слышала голос твоего отца или мне показалось? Как быстро он вернулся! – Она передвинула полный чайник на горячее кольцо плиты.

– Ты готовишься побаловать нас слоеными яблочными пирожками, мама?

Флора Петри, такая же круглая, как ее пирожки, расплылась в улыбке:

– Можно припасти один специально для запыхавшейся продавщицы!

Меньше чем через десять минут Дейзи сидела на нижней ступеньке лестницы с чашкой чая в одной руке и с газетой в другой. Отец ушел с чаем за прилавок, чтобы сразу обслужить покупателя, если таковой появится.

Дейзи прочитывала газеты от первой до последней страницы при малейшей возможности, чтобы быть в курсе всего происходящего, и не только в родном Дартфорде, но и в целом мире. Благодаря газетам и радио семья всегда была готова дать достойный отпор гуляющим вокруг слухам.

– Все-таки твоя мать отменно печет! – похвалил Фред пирожок, который принесла Дейзи.

– Как я погляжу, у тебя тут свежий номер «Таймс», папа? Смотри не заляпай его яблоком, а то что ты скажешь мистеру Фишеру, когда он придет за своей газетой?

Прежде чем Фред сообразил что ответить, раздался звон дверного колокольчика.

– Как вкусно у вас пахнет нынче печеным яблочком! – воскликнул из дверей местный почтальон Берни Джонс, впустивший в лавку солнечные лучи. Он протянул тонкий конверт. – У тебя в армии возлюбленный, Дейзи, или я узнаю почерк Сэма?

– Очень смешно! – Она обернулась к отцу, который прервал чтение, чтобы поболтать с почтальоном. – Обойдешься без меня, папа? Я сбегаю наверх и прочту письмо маме. До завтра, Берни!

Наверху Флора перешла к приготовлению начинки для сэндвичей. Письмо от старшего сына очень ее обрадовало, хотя и немного разочаровало тем, что оно адресовано не ей.

– Что он пишет?

Дейзи села, открыла тонкий конверт и быстро пробежала глазами письмо:

Привет, Дейз,

передай маме, что я извиняюсь за задержку с письмом, очень занят.

Роуз пишет, что вы устраиваете 18-го праздник для Салли. Жаль, что меня

там не будет. Могу себе представить – театральный колледж! Малышка Салли Бруэр! Когда закончит, будет пренебрегать такими неучами, как мы. Помнишь апрельское распоряжение о записи в армию на полгода парней моего возраста? Записывались даже те, кто помладше, вот увидишь, наши Фил и Рон тоже скоро там окажутся. Мне нравится моя жизнь, Дейзи, и она платит мне той же монетой. Не так уж все худо, есть время вздохнуть. Не слушайте всяких политиков. То ли они сами ничего толком не знают, то ли не хотят нам говорить, но войны не избежать, и на ней потребуются женщины, так что не мешкай, подумай хорошенько, что тебе больше по душе. Лучше самой выбрать, чем ждать приказа. Роуз хорошо в «Виккерсе». Вряд ли ее тронут, хотя на складе там целых трое работников, вдруг начальство скажет, что обойдутся и двумя?

Если прочтешь это до вечеринки, то скажи Салли... В общем, пожелай ей от меня всего наилучшего.

Сэм.

– Ничего особенного, мам. Ему нравится в армии, передает привет Салли.

– И все?

Дейзи кивнула:

– По крайней мере, он не забывает нам писать.

– Глупый мальчишка сохнет по Салли, глаз с нее не сводил, пока тут жил, – проворчала Флора. – А она в его сторону даже не смотрела.

Дейзи очень удивилась. Сэм неровно дышит к ее подруге Салли? Нет, Сэм ко всем одинаково расположен.

– Глупости, мам. Он точно так же относится и к Грейс, и ко мне.

– Грейс он жалеет, как раненого птенчика. Уж какой мой Сэм добренький! То-то, гляжу, ни слова о том, где он, чем занят!

Дейзи спустилась в лавку, вся в тревожных чувствах. Если разразится война – а уж Сэм должен в этом разбираться! – то не решит ли правительство, что для местной лавки три работника, пускай один занят только развозом заказов, – это многовато? Не удобная ли это возможность для скромной продавщицы расправить крылышки и попробовать в жизни что-то еще? Страшно... А тут еще слова матери о Сэме и Салли. Сэм влюблен в Салли? Нет, никогда! Если Сэм способен влюбиться, то разве что в машину, а никак не в девушку. И потом, ее старший брат всегда смотрел на сестер и на их подруг свысока.

– Берни пожелал нам веселой вечеринки. Похоже, вся улица только о ней и говорит.

– Мало ли кто о чем говорит, папа? Мама напекла пирожков – вот что важно! – Она нахмурилась. – Как тебе такая мысль? Переставим консервированную фасоль выше, на полку под колбасным фаршем, а груши в банках – наоборот, ниже? Покупатель увидит настоящий обед с компотом!

– Отлично придумано! Тем более что груши не больно расходятся. Молодчина! Я сам обслужу покупателя.

Ну и голова у тебя, Дейзи Петри! Прямо кладезь потрясающих идей! Дейзи взялась переставлять продукты на полках у двери, открывавшейся на лестницу. Сэм намекает, что война откроет новые возможности. Но не по слишком ли высокой цене? Она так погрузилась в свои мысли, что не услышала колокольчика, оповещавшего о приходе гостя. Это был мистер Фишер, пожилой житель их квартала, пользовавшийся особым расположением Дейзи; он всегда покупал газеты. В этот раз ему понадобился еще и чай, аромат которого из разных банок заглушил вульгарный запах сардин.

Дейзи задумалась о своей сестре Роуз, трудившейся на заводе боеприпасов «Виккерс» до семи вечера и поэтому не участвовавшей в подготовке к вечеринке. Ее босс, судя по всему, не верил газетным заверениям, что войны не будет, и наращивал производство.

Дейзи вытерла полки и по-новому расставила банки с колбасным фаршем, фасолью и грушами. Теперь можно было с чистой совестью подняться наверх и начать готовиться к встрече с друзьями.

– Я немного прибралась в гостиной и занесла несколько стульев, – сказала ей мать, раскладывая сэндвичи на своих лучших блюдах. – Если соберется еще больше народу, кое-кому придется сидеть на полу.

– Спасибо, мам, но если будут сплошные стулья, где же нам танцевать? Вот вымоюсь и сама взгляну.

– Тебе бы лучше передохнуть, детка.

Дейзи уже собралась возразить: «Я здоровая, как лошадь», но вовремя одумалась. Если разразится война, то ей все равно недолго осталось взвешивать овсянку и рис и читать газеты. «Не бойся, Дейзи. Лучше подумай о том, какую пользу ты можешь принести...» – бормотала она еле слышно, без всякого усилия перетаскивая два кресла в красных оборках обратно в родительскую спальню.

О лучшем начале вечеринки нельзя было и мечтать. Флора Петри сшила для своих дочек-двойняшек широкие юбки: для Роуз – пеструю, в цветочек, отлично смотревшуюся на ее высокой стройной фигуре, а для миниатюрной Дейзи – темно-зеленую хлопковую, прекрасно подходившую к блузке цвета морской волны с рукавами-буфами, которую чудом нашли на прилавке местного рынка. Даже Грейс Паттерсон, еще одна хорошая знакомая Дейзи и Роуз, оделась понаряднее, хотя призналась подругам, что раскопала свое черно-белое платье без рукавов в куче тряпья в благотворительной лавке своей сестры.

Все выглядело так, будто никто не проговорился о приготовленном для Салли сюрпризе. Но о нем знал почтальон, а значит, и все, кого он обходил, тем не менее Салли клялась, что пребывала в полном неведении. Она пришла в восторг от нарисованного Дейзи и Роуз плаката с выведенным большими буквами пожеланием «Удачи, Салли!» и с утверждением «Салли Бруэр, звезда из Дартфорда». Теперь она просила, чтобы кто-нибудь повесил плакат в ее спальне в родительской квартире по соседству, рядом с кинотеатром, где ее отец работал киномехаником. Из девятнадцати друзей, бывших одноклассников, четверем пришлось отказаться от приглашения – самим или через кого-то. Двое ребят уже поступили на службу в растущую армию, еще двое трудились сверхурочно на заводе боеприпасов.

Оставшиеся пятнадцать бодро поглощали сэндвичи и пирожки с яблоками, запивая их фруктовым пуншем со строго отмеренной дозой алкоголя. Танцы продолжались до позднего вечера. Большинство учились только до пятнадцати лет. Одна Салли, «звезда Дартфорда», окончила среднюю школу. Теперь ей предстоял трехлетний курс актерского мастерства и сценической речи, и друзья мечтали вскоре увидеть ее на экране местного кинотеатра. Дейзи, Роуз и Грейс клялись друг другу в крепкой дружбе.

Сестры-близнецы были знакомы с Салли еще с пятилетнего возраста. Грейс появилась в Дартфорде семилетней: по никому не ведомым причинам ее отослали из Шотландии, где она жила в приемной семье, к сводной сестре Меган Паттерсон. Салли и сестры-близнецы, воспитываемые любящими родителями, сразу предложили новенькой дружбу.

Когда вечеринка наконец завершилась и все разошлись, близнецы и Грейс усадили в лучшее кресло Салли.

– У нас для тебя подарок, Сал. Закрой глаза! – приказала Роуз.

Шуршание оберточной бумаги – и новый приказ:

– Теперь открывай!

Три девушки на протяжении всего лета откладывали часть заработка, чтобы Салли получила теперь этот изящнейший костюмчик цвета морской волны, прекрасно шедший к ее иссиня-черным волосам. У жакета были новомодные квадратные плечи и узкий приталенный силуэт, у юбки модной длины – облегчавшая движения небольшая складка.

Салли от восхищения разинула рот.

– Даже не знаю, что сказать... – выдавила она наконец. – С ума сойти! – Собравшись с мыслями, она изрекла наивысшую похвалу, на которую была способна: – Именно такой надела бы Маргарет Локвуд¹. Самый лучший наряд для прослушиваний! Но вы-то хороши! Теперь до меня дошло, почему вы все лето не ели в кино мороженого! В пятницу за него плачу я.

– Да, забыла! – воскликнула Роуз позже, когда сидела с подругами на цветастом лоскутном коврике на полу. – Мама рассказала мне о письме нашего Сэма. – Она встала в позу готовой хлопнуться в обморок героини из фильма про шейха пустыни – все четыре девушки были без ума от такого кино. – Представляешь, Салли, он в тебя влюбился! Наш Большой Сэм и Салли...

Роуз прыснула, Салли и Дейзи тоже, но только они. Тихоня Грейс внешне больше походила на Дейзи, чем та – на свою сестру-близнеца, но сейчас ей было не до смеха. Сиротка Грейс находилась под защитой рослого блондина Сэма, спортсмена и мечты всех девчонок в округе, с тех пор как переехала в Дартфорд, и давно была без памяти в него влюблена. Теперь она застыла на краю ковра с таким видом, словно рушился весь ее мир. Сестра внушала Грейс, что от нее нет и не будет никакого толку и что она никому не нужна, поэтому бедняжка и не рассчитывала, что Сэм – предел девичьих мечтаний – полюбит ее. Просто каждая грезит о чуде...

– Что ему стоило прислать ей отдельное письмо? – засмеялась Дейзи. – Но нет, он даже не заставил себя приписать: «Передай ей, что я приглашаю ее посидеть со мной в «Касбе». Проверь, мы ничего не пропустили?

– Перестань, Дейзи! – прикрикнула на нее Салли. – Бедняга Сэм, он никогда ничего подобного не написал бы. Ну подумай, Грейс, разве не смешно? Я и Сэм! Сэм Петри... Я же знаю его почти с младенчества!

Грейс стояла к ним вполоборота, не глядя на подруг, но и не отворачиваясь от них. Ее глаза подозрительно блеснули, но остальные вряд ли это замечали.

– Не думаю, что над чувствами можно смеяться. Что бы ни написал Сэм, это имеет отношение только к нему и к Салли, шутки здесь неуместны, – отчеканила она.

– Как насчет чайку, прежде чем расходиться? – попробовала сменить тему Дейзи. Она видела, что веселью пришел конец, что обстановка стала тяжелой, но пока не собиралась размышлять о причине перемены. – Роуз, маме с папой захочется перед сном чего-нибудь тепленького. Папа говорил, что проводит Грейс домой. Они могут пройти мимо твоего дома, Салли, чтобы помочь отнести подарки.

– Мне как-то неудобно, это же не день рождения... – в который раз застенялась Салли. Несколько человек явились на вечеринку с подарками для нее.

– Кстати, примерь костюмчик, Салли, – предложила Дейзи. – Он провисел на двери нашей спальни целых две недели, пора взглянуть, впору ли он тебе.

Салли оглянулась на дверь кухни, за которой мать и отец Петри слушали радио, и протянула подругам руки.

– Идите сюда, все трое! Таких друзей, как вы, у меня никогда в жизни не будет. Не хочу, чтобы между нами что-то вклинилось.

¹ Популярная в 40-е гг. британская актриса, известна по фильму А. Хичкока «Леди исчезает». (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – примеч. пер.)

– Если ты сожмешь нас еще сильнее, Салли Бруэр, – хихикнула Дейзи в разгар объятий, – то между нами не то что ничего не вклинится – вошь не проползет!

Тяжелый момент прошел, но не изгладился из памяти.

Через несколько дней, когда Дейзи читала местную газету «Дартфорд Кроникл», дверь лавки открылась. Она подняла глаза и увидела своего любимого покупателя, мистера Фишера, с газетой в руках. Она скорчила легкую гримасу, догадавшись, о чем пойдет речь, но сумела вежливо его поприветствовать.

– Здесь на спортивной странице липкое пятно, Дейзи, так что я, с вашего позволения, возьму экземпляр, который вы сегодня не читаете, – проговорил старик с понимающей улыбкой.

Дейзи поспешно извлекла из стопки на прилавке нетронутую газету и подала ему.

– Виновата, мистер Фишер. Сегодня бесплатно.

– Ничего подобного, дорогая, я заплачу. Это же такое удовольствие: спокойно зайти в магазин, где тебя встречает хорошенькая девушка, и купить то, что тебе по карману... – Он высыпал на прилавок монеты. – Что там сегодня интересного? Такого, чего мне нельзя пропустить?

За те годы, что она работала в родительской лавке – сначала неполное время, потом постоянно, – Дейзи и этот старик крепко подружились. Она знала, что раньше он жил в Германии, но десять лет назад уехал оттуда по причинам, о которых не распространялся. В ее семье решили, что он еврей, а затем постепенно уяснили, что человек он высокообразованный: беседовал с Дейзи о вещах, недоступных пониманию ее родителей. У нее сложилась привычка читать в ожидании покупателей газеты, и когда какая-то фотография или заголовок ставили ее в тупик, она обращалась за разъяснением к терпеливому Фишеру. Так она стала узнавать про звезды и галактики, про древние цивилизации, про то, как зарождались языки и математика, и другие несчетные захватывающие вещи. Он обсуждал с ней жизненный цикл лягушки, рождение бабочки, старался объяснить принцип полета птицы и аэроплана, причину того, почему даже тяжелый дредноут не идет ко дну от собственной тяжести. Однако в эти дни все их беседы посвящались единственной теме – возможности войны.

Сейчас, глядя на пожилого джентльмена, Дейзи впервые усомнилась, так ли он стар. Какие ужасы он пережил, что побудило его покинуть родину и переехать в другую страну, не мешавшую ему верить на свой манер? Он каждый день заглядывал в лавку за газетой или за съестным и был безупречно одет: воротничок, галстук, шляпа, в холодную погоду перчатки. У него были собственные твердые правила, собственное достоинство. Она ласково улыбнулась ему:

– Вряд ли вас заинтересуют свадебные фотографии и списки приглашенных, но вот здесь... – Весело на него взглянув, она решила, что его привлечет скорее крикет, чем футбол... – Обратите внимание на результаты крикетного турнира и на рецепт капустного супа.

– Значит, сегодня ни войны, ни слухов о войне, Дейзи?

– Бог миловал! Хотя мой брат Сэм – тот, который служит в армии, сами знаете, еще с прошлого года твердит, что войны с Германией не избежать, – советует мне подумать о том, чем я смогу помочь обороне.

– Что же вы решили, юная Дейзи?

Она уныло покачала головой:

– Наверное, устроюсь на фабрику, как Роуз. Более интересная работа – это для умных девушек с образованием.

– Кому-то все равно придется торговать газетами – хоть с пятнами от джема, хоть без.

– Это было яблочное варенье. Мама пекла пирожки для нашей вечеринки. Вы уж нас извините, мистер Фишер. Я ценю ваше мнение, мне дороги наши покупатели, но резать сыр и взвешивать чайный лист – не слишком захватывающее занятие, вы не считаете?

Старик сложил газету.

– Наступит день, когда вы поблагодарите бога за эту удобную повседневность. Как я люблю наши с вами беседы! Надо будет попробовать капустный суп, тем более что у меня пристрастие к капусте. Всего доброго!

И он, учтиво приподняв шляпу, покинул лавку. Дейзи проводила его задумчивым взглядом. Станный все-таки человек для Дартфорда...

Наступит день, когда я буду рада заняться чем-то обычным? Сомневаюсь, мистер Фишер. Что пережили вы сами? Дейзи вспомнила их серьезные беседы и те чудесные явления, которые он ей объяснял, чтобы она смогла многое лучше понять. «Ему бы быть учителем!» – решила она и вернулась к своей газете. Она читала, пока не пришли несколько домохозяек, почти все с детьми разного возраста.

К тому времени когда настала пора закрыть лавку и подняться по лестнице в квартиру, Дейзи очень устала. Обслуживать покупателей с детьми всегда было труднее всего. Малыши часто начинали капризничать, случалось, что они открывали дверцы именно тех шкафов, которые им строго-настрого наказывали не трогать, и пытались вытащить наружу содержимое. Одни матери умели держать своих отпрысков в узде, другие, наоборот, не обращали внимания на их поведение; все это добавляло продавцу хлопот.

В кухне ее ждал на заднем кольце плиты горячий морковный – не капустный – суп.

– Спасибо, мама! – воскликнула Дейзи, хотя и в пустой кухне, налила себе полную тарелку и отрезала кусок хлеба.

Дейзи весь день дежурила в магазине, потому что Флора и Фред ушли на собрание в поликлинику на Маркет-стрит. Премьер Чемберлен мог сколько угодно внушать нации, что мир не будет нарушен, – это не мешало Дартфорду относиться к угрозе войны со всей серьезностью и усиленно к ней готовиться. Город отнесли к угрожаемым зонам. Чтобы понять, что это значит, семье пришлось заглянуть в тяжелый словарь, долго стоявший нетронутым в гостиной.

В начале мая Фред и Флора побывали в кинотеатре «Стейт» на Спайтал-стрит, посмотрели фильм «Предупреждение», в котором живописались возможные последствия воздушного налета. Фреда фильм так впечатлил, что он сразу вызвался записаться в наблюдатели на случай налета.

– Дартфорд – не самое безопасное место в случае войны, – повторял он детям. – Приближаясь к Лондону, вражеские самолеты будут пролетать над нами. – Он пытался изобразить улыбку: – Возможен сильный шум.

Тысячи мешков с песком, сложенные вдоль стен, уже защищали важные сооружения. Поскольку считалось, что не обойдется без газовых атак, населению раздали противогазы. В Сент-Олбанс-холле и в больнице графства появились бомбоубежища и пункты первой медицинской помощи. В Центральном парке и на Дартфордской пустоши вырыли траншеи, напоминавшие Фреду и многим другим о «войне, которая должна была положить конец всем войнам». Став одним из первых добровольцев противовоздушных бригад, Фред учился в поликлинике премудростям обезвреживания зажигательных бомб. Флора сопровождала его на всех занятиях. Так как Фреду предстояли частые отлучки из дома и из лавки, она решила выяснить, как самой обходиться с тем, что может свалиться сверху на ее дом и детей.

– Никакая учеба не бывает напрасной, – без усталости повторяла она детям. – Вот только не знаю, как быть со всем этим песком, когда начальство решит, что мы тратили время зря.

Дейзи решила сделать к супу тосты. Она резала сыр, когда услышала, как открывается дверь квартиры. Вошли ее родители и сестра – они встретились по пути домой.

– Мальчики уже пришли, дочка? – спросила Флора, вешая на крючок легкое летнее пальто и повязывая фартук.

– Прости, мам, я так устала, что забыла тебя предупредить, – заговорила Роуз. – Они остались на сверхурочную и предупредили, чтобы ты не ждала их к ужину, они перекусят по пути домой. – Она поспешила в маленькую семейную ванную, чтобы переодеться и смыть сажу после долгого рабочего дня на оружейном заводе, где хватало считанных минут, чтобы с ног до головы вымазаться машинным маслом.

– Пускай как следует поужинают, когда придут; что за еда для таких больших парней – какой-то перекус?

– Не беспокойся за них, Фло. Держу пари, они найдут, чем запить этот свой перекус. – Фред уже сидел в кресле перед пустым камином со стаканом своего любимого эля «Реффеллс» и дожидался появления Роуз из ванной.

– Наша Роуз – вот кого не грех подкормить! – сказал он со смехом, когда умытая дочь предстала перед ним.

Роуз, освободив свои длинные светлые волосы от тугих лент, вымыв их и расчесав, села за кухонный стол.

– Лучше бы те, кто стоит у власти, приняли наконец какое-то решение. Нам на фабрике давно все равно, так мы устали, но нам надо знать, на каком мы свете. Хватит бессвязной болтовни! Мне подавай правду, нерешительность действует на нервы.

Произносить тирады такой длины было настолько несвойственно Роуз, что даже ее отец наострил уши.

– Налей-ка сестре чаю, Дейзи, – сказал он, хлопая Роуз по коленке. – Не серчай, доченька: они сами не знают, как быть. – Он оглянулся на Дейзи, наполнявшую большие чашки. – У тебя есть что рассказать мне про лавку, Дейзи?

– Рассказывать про лавку нечего. Хвала небу, завтра воскресенье, и мне можно к ней не приближаться.

Спустя еще два воскресенья семья, вернувшись из церкви, убрала противогазы в стеной шкаф прихожей, туда же, куда и воскресные пальто, и уселась в гостиной послушать радио в ожидании обеда. Фред уже потянулся к приемнику, когда Флора, ахнув, обратилась к Дейзи:

– Совсем вылетело из головы! Будь ангелом, сбегай в лавку за горохом! Это то, что надо: отличный гарнир к говядине. Забыла захватить его вчера. – Она указала на столик у двери: – Возьми из моей хозяйственной сумки кошелек.

Дейзи забрала деньги и поспешила вниз. Семья Петри неизменно следовала правилу: никогда ничего не брать в собственной лавке бесплатно. Дейзи, правда, доказывала, что штудирование газет – вовсе не воровство... Она немного постояла, наслаждаясь непривычной тишиной в пустой лавке. Потом раздвинула маскировочные занавески, чтобы не споткнуться в потемках. Маленькую лавку залил солнечный свет, отразившийся от натертого дубового прилавка и от медных весов. От луча, упавшего на стеклянную банку с разноцветными сладостями, в тесном помещении зажглась радуга. Ни одному покупателю еще не доводилось такого видеть. Найдя горох, Дейзи довольно улыбнулась. Как ни соблазнительно было открыть старую кассу и заплатить за покупку – ей нравился музыкальный звук старого аппарата при любом нажатии на рычаг, – она поборолла соблазн. Стоит ли открывать кассу только для того, чтобы немедленно опять ее закрыть? Она положила на кассу монету в один шиллинг, снова задернула плотные шторы и побежала наверх. Мать спокойно дождетсся сдачи, и она в понедельник утром честь по чести завершит покупку.

Семью она застала в кухне в потрясении. Флора громко рыдала, не стесняясь слез, Фред и Роуз гладили ее по спине, стараясь успокоить. Старшие братья Дейзи, Фил и Рон, стояли плечом к плечу, но на эту сцену взирали в беспомощности.

– Что случилось?!

На крик Дейзи обернулись все, кроме Флоры.

– Война с Германией, Дейз, – проговорил отец, обнимая близкую к истерике жену. – Премьер-министр только что объявил об этом в радиообращении.

Все заговорили одновременно, пришлось Фреду повысить голос, чтобы перекрыть свое семейство.

– Займитесь ужином вместо мамы, девочки, дайте ей прийти в себя. – Он заглянул в лицо Флоре. – Тебе сейчас полегчает, вот увидишь, любимая.

Но бедной Флоре не хватило времени, чтобы опомниться: через считанные секунды воздух наполнился истошным завыванием противовоздушной сирены. Флора взвизгнула, сестры в ужасе тесно прижались друг к другу.

– Под кухонный стол! – скомандовал Рон. – Пойдем, мам, кухня – самое безопасное место. Помнишь, мы уже так решили? А вы, девочки, сохраняйте спокойствие: это учения. Давайте докажем, что мы знаем, как действовать, если...

Он не договорил. Семейство дружно нырнуло под широкий стол, морщась и причитая от неудобных поз и от дьявольского воя сирены. Все, словно сговорившись, зажали уши. Рон обнимал мать, та сидела, закрыв глаза, словно так можно было заглушить невыносимый вой.

– Рон прав, мам, это только тренировка, – сказал Фил, всегда настроенный видеть во всем хорошее. – Включу-ка я радио, вдруг там новости или музыка...

– Половина эля расплескалась, – пожаловался Фред под столом жене и дочерям. – Хватит, вылезая. Рон прав, нас тренируют. Но мне все равно надо идти. Мальчики о вас позаботятся. Мы забыли про противогазы. Сейчас я вам их дам.

– Не желаю, чтобы меня удушили газом посередине моей кухни! – заявила Флора. Она чувствовала себя глупо, сидя под столом, в объятиях сына, как пятилетняя дурочка. Попытка улыбнуться немного ее успокоила. Лучше выглядеть нелепо, чем получить бомбой по голове. Она сжала руки своих дочерей. – Нас ждет вкусный ужин: отменная говядина, жареная картошечка! Я даже рада, что пришлось готовить впопыхах, хуже нет пережарить мясо, верно?

Воздушная тревога вскоре закончилась, и все выбрались из-под стола с затекшими ногами. Рон потянулся:

– Одно могу сказать: хорошо, что хоть Дейзи у нас не такая дылда, как остальные. Иначе для кого-то одного точно не хватило бы места. Я тебя не обидел, сестренка?

Вместо ответа Дейзи отвесила тощему долговязому брату дружескую затрещину.

– Займемся ужином, Роуз, не то перемрем от голода!

Но даже дразнящий запах жареной говядины, пропитавший комнату, не вызвал ни у кого прилива аппетита. Только когда вернулся домой Фред и Флора сумела окончательно взять себя в руки, все спокойно уселись, чтобы потолковать.

Смелого Фила переполняло воодушевление:

– Не волнуйся, мама, мы живо с ними разберемся! Такая армия, где служат Сэм, Рон и я, непобедима, вот увидишь! Они бросятся от нас врассыпную, как тараканы!

Младшие братья Петри решили не тянуть с записью в армию.

– Так мы отхватим самые лакомые местечки, мам. Сэм говорит дело, – заявил Фил.

В эту ночь Дейзи и Роуз было не до сна. Они сидели в своих постелях и разговаривали. Роуз до блеска расчесала волосы, и Дейзи не могла ей не позавидовать.

– Лучше носи волосы распущенными, Роуз. У тебя вид как у принцессы из волшебной сказки.

– Принцессы на работают на оружейных фабриках. Даже когда я собираю волосы в ужасный тюрбан, в них проникает грязь.

Дейзи зевнула:

– Но на танцах обязательно распускай. Ты высокая, тебе очень пойдет!

Роуз стала со смехом заплетать волосы на ночь, как делала всегда.

– Да, совсем забыла! – сказала она, прервавшись. – В кино шел фильм с Полом Робсоном, надо было сходить.

– Ничего не поделаешь. Что за фильм?

– «Копи царя Соломона».

Дейзи, обожавшая кино, задумалась:

– Что-то не пойму, как можно распевать песни на дне шахты... Ладно, Роуз, давай спать.

– Тебе страшно?

– Сама не знаю. Еще не успела сообразить. Что может мне угрожать? Немцы вряд ли проявят интерес к бакалейной лавке на дартфордской Хай-стрит.

– Что верно, то верно. – Роуз немного помолчала. – А как же верфи, Дейзи, завод «Виккерс», химический завод, «Холлз»?

– Мы на другой улице... – Но уже через несколько секунд Дейзи сбросила одеяло и в ужасе прыгнула с кровати. – Почему ты не сердись на мою болтовню, Роуз? Я сказала, что в меня бомба не попадет, но ты и братья работаете на фабрике боеприпасов...

– Не суетись без толку, лучше ляг и постарайся уснуть. Утром ты окажешься в осаде: все перепуганные старушки пожалуют по твою душу. А братья пойдут записываться в армию.

Но назавтра никакой старушечьей осады их лавки не случилось. Дейзи взвешивала чай, когда в дверь влетела Салли.

– Там закрыто, Дейзи! – Она оглядела тесную лавку, как будто хотела убедиться, что за полками не прячутся покупатели. – Что мне теперь делать? На дверях колледжа висит объявление. – Она нарисовала пальчиком в воздухе прямоугольник. – «Закрыто на неопределенный срок». Куда мне теперь деваться? Посмотри, я вырядилась в новый костюм!

– Тебе очень идет! – машинально отозвалась Дейзи. – Что говорит твоя мать?

– Они ничего не знают. Их уже собрали в кинотеатре. – Это было все, что Салли успела сказать, прежде чем по ее красивому лицу покатались слезы размером с виноградины.

Дейзи растерялась. Обняв рыдающую подругу, она попыталась ее утешить.

– «Неопределенный срок», Салли, это не обязательно долго, пойми! Так повсюду говорят! К Рождеству все закончится, и со следующего года ты начнешь учиться. Новый год – новая карьера.

Салли удрученно покачала головой.

– До Рождества еще надо дожить! – произнесла она трагическим тоном. – Вдруг война затянется? Мне что тогда – идти вкалывать на завод? В университет мне теперь пути нет – я отказалась туда поступать... – В ее голосе появились истерические нотки. – Первая в семье, годная для учебы в университете, – и, видишь ли, отказалась, потому что захотелось на киноэкран!

– Перестань, Салли, – сказала Дейзи сочувственно, но твердо. – Один колледж закрыт – не по твоей же вине. Значит, попробуй счастья в другом.

Салли выпрямилась. Казалось, она вдруг чудом повзрослела.

– Как девушка из рабочей семьи может позволить себе уехать в другой город?

Тяжелые шаги на лестнице оповестили о том, что спускается Флора с подносом. При виде Салли она заулыбалась:

– Здравствуй, красавица! Я думала, у тебя сегодня начало учебы в театральном колледже.

Салли уставилась на нее, а потом, расплакавшись, вскочила и выбежала из лавки.

– В чем дело? – удивилась Флора.

Дейзи коротко объяснила, что стряслось, и сухо вато закончила:

– Она будет великой актрисой, главное – начать. Сначала съемки здесь, потом в Лондоне, а дальше – студия «Пайнвуд», вот увидишь. Салли ждет захватывающее будущее.

– До чего жаль, что училище закрылось! Бедная Салли! Выходит, и вправду началось, Дейзи... – Вошла покупательница, и Флора, сама любезность, переключилась на нее: – Доброе утро, миссис Ричардсон. Все как обычно по понедельникам? Мы как раз получили вкусные консервированные персики...

Объявление Британией войны Германии, казалось бы, мало что изменило в повседневной жизни. Все продолжалось примерно так же, как до обращения премьер-министра к нации. Фил Петри ходил радостный: его зачислили на учебу в военно-морской флот; младшему брату Рону тоже не приходилось жаловаться: его навыки механика высоко ценились в армии. «Я сказал им, мам, что могу водить и ремонтировать что угодно. Сержант на сборном пункте обрадовался и говорит: «С такими, как ты, нашей армии не страшен никакой враг». Еще он сказал, что мне цены нет. Представляешь, так и сказал: «Тебе цены нет!» Сначала медосмотр, потом кое-какая строевая учеба, и – в войска. Но, думаю, нас распустят, прежде чем мы доберемся до своих частей».

Дейзи слушала их веселое хвастовство и ловила себя на желании тоже куда-нибудь поступить – неважно, в какое подразделение и где. Но следующие несколько месяцев ей предстояло по-прежнему работать в семейной лавке и учиться вместе с Грейс оказанию первой медицинской помощи.

– Какой от меня толк, мам? – ныла она. – Меня тошнило даже от перевязывания кукол. Помнишь, какой беспомощной я оказалась, когда на Рона свалился двигатель?

– Почему беспомощной? Даже не зная, как действовать, ты, Дейзи Петри, все сделала правильно и помогла брату. Если – и когда – что-то начнется, ты справишься. – Флора засмеялась. – Твоя тошнота делу не помеха.

– Вот спасибо! – сказала Дейзи и тоже прыснула. Она твердо решила, что всеми силами будет помогать крепить обороноспособность страны. Она заставляла себя не пропускать занятия на курсах медсестер. Кроме того, несколько часов в неделю она работала в саду у Грейс – единственной из четырех подруг, имевшей садик при маленьком съемном коттедже на Уэст-хилл; там она выращивала теперь овощи, что тоже составляло важную часть военных усилий. Почти каждую неделю на столе у трех семей была теперь свежая зелень. Все не могли нарадоваться на Грейс: ее крохотная делянка сулила Паттерсонам, Бруэрам и Петри брюссельскую капусту для рождественского ужина.

Как и в прежние годы, Флора заказала на ферме близ Бексли каплуна, и в последнюю субботу перед Рождеством Дейзи отправилась за ним.

Нэнси Хамбл, жену фермера, она застала на кухне.

– Альф на старой конюшне, Дейзи, милочка. Ступай туда! Ты глазам не поверишь, когда увидишь, во что превратилось место, где раньше стояли наши битюги.

– Кого вы там разводите? Неужели свиней?

У миссис Хамбл был такой вид, словно она серьезно отнеслась к этому предложению.

– Неплохая мысль! Надо будет обсудить это с Альфом. Иди-иди, взгляни сама, потом поговорим. Не бойся, никто тебя не укусит. Вернешься к матери со свежим деревенским маслом.

Вдохновленная обещанием миссис Хамбл, Дейзи, от природы любопытная, заспешила по двору мимо сеновала и сарая, где куры увлеченно клевали выбракованные капустные листья. Не найдется ли у Грейс местечка для курицы? С кормом проблемы не будет – чего-чего, а капусты у них хватало.

Но куры, капустные листья и даже рождественский каплун вылетели у нее из головы, стоило ей заглянуть во двор конюшни, где раньше стояли великолепные тяжеловозы, на которых сживали маленькие Дейзи и Роуз.

– Не может быть! – ахнула она.

– Может, представьте себе! – ответил ей вежливый голос. – Прошу любить и жаловать, мадам: этот прекрасный аэроплан – «Аэронка С-3», сработан в американском штате Огайо в 1935 году. В этом году таких соберут невероятно много – целых сто двадцать восемь штук!

При слове «Огайо» Дейзи покачала головой. Отцовский кассовый аппарат, теперь этот аэроплан... Неужели все сложные изделия на свете имеют одно и то же происхождение – Огайо, США?

Из кабины вылез на крыло молодой мужчина в замасленном комбинезоне. Он высился над Дейзи как сказочный великан, а она не знала, как ей быть: хохотать или спастись бегством. Масло и сажа виднелись на нем повсюду, даже в льняных волосах. В одной руке у него был гаечный ключ, в другой немыслимо грязная тряпка, которой он, обращаясь к Дейзи, без малейшего успеха пытался вытереть лицо.

Дейзи не выдержала и рассмеялась. Пока что у нее не получалось определить его рост. Она вспомнила своих братьев-здоровяков и решила, что он вряд ли может с ними соперничать.

Дейзи кивком указала на аэроплан:

– Он действительно летает?

– Чего же ему не летать? – Незнакомец спрыгнул на землю. – Обязательно полетит, как только я добьюсь, чтобы его привели в чувство.

– Жаль, что здесь нет моих братьев. В двигателях они разбираются как никто, – сообщила ему Дейзи. В следующую секунду она вспомнила, что сама ничуть не хуже своих братьев, недаром они научили ее не только вождению, но и уходу за машинами, и даже ремонту. – Если не возражаете, я тоже могла бы взглянуть, – предложила она с уважением в голосе.

Он смотрел на нее так, словно не мог ей поверить или вообще не расслышал.

– Вы? Девушка?

– Петри еще не то могут, – вмешался Альф Хамбл, фермер. – Они все появляются на свет с отвертками и гаечными ключами в руках.

– Что за картину вы здесь рисуете, Альф? Не знаю, как бы к этому отнеслась моя матушка...

– Нет такой женщины, которая сумела бы... – начал было чумазый молодой человек, но тут же покраснел до корней волос. – Прошу извинить меня за неучтивость, я ничуть не сомневаюсь в ваших способностях и готов им аплодировать, но этой прекрасной желтой птичке предстоит сокрушать германскую мощь!

Смущение делало его похожим на братьев Дейзи, и она не удержалась от улыбки.

– Значит, вы будете кидаться в них сверху тяжестями? – Она не верила самой себе: неужели она на равных беседует с джентльменом, да еще позволяет себе шутить? Обычно такой изысканный выговор, как у него, вызывал у нее желание спрятаться и не высовываться.

Вероятно, ей придавало смелости то, что с перепачканным маслом лицом и с разводным ключом в руках он смахивал на Сэма.

– Шутки в сторону! Пушек на этом агрегате не будет, хотя самолеты по всей Англии вооружают пушками. Зато он вместительный и разгоняется до скорости восемьдесят миль в час. Такой может перевозить с аэродрома на аэродром грузы, даже личный состав. Помяните мое слово, враг будет посрамлен!

И он вернулся в кабину самолета.

– Пошли, Дейзи, у меня для твоей матери заготовлен славный жирный каплун, – сказал Альф, возвращаясь с Дейзи в дом.

– Что такое «посрамлен», Альф?

– Понятия не имею, милая, но явно ничего хорошего! Но ты не думай об этом пареньке плохо, пусть он и высокого полета птица. Он служит в авиации, просто получил несколько дней отпуска по случаю Рождества, а главное, он готовит в дар стране самолет.

– Здорово, наверное, иметь деньги!

– Нет у него ни гроша, Дейзи. Третий кузен, отодвинутый от денег так далеко, как только можно. – Альф остановился и оглянулся на самолет. – Хотите чаю, Эдейр?

Ему ответил изнутри аэроплана невнятный голос.

– Похоже на «нет», – бросила Дейзи, торопившаяся за каплуном, которому предстояла честь стать звездой рождественской трапезы. – Эдейр? Впервые слышу такое имя.

– Я тоже. Но парень вовсе не чванится, когда мы так к нему обращаемся. Я давно его знаю, еще с тех пор, когда он бывал здесь на школьных каникулах. Тогда он был Эдейром и сейчас им остался.

Дейзи старалась подстроиться под широкий шаг длинноногого Альфа.

– Кажется, это имение лорда Гренджера? Нас отсюда прогоняли, когда мы приезжали на велосипедах.

– Матушка юного Эдейра приходилась родственницей его светлости. Она умерла совсем молодой, а ее муж подался обратно в Америку. Эдейр приезжал сюда на каникулы. Теперь дом на замке, поэтому он ночует на чердаке старой конюшни.

Дейзи опять представила себе своих трех братьев.

– Разве там есть кухня, Альф? Если бы моим братьям пришлось вот так о себе заботиться, они бы умерли с голоду!

– Иногда он приходит заморить червячка в нашу кухню. Нэнси была бы не прочь поселить парня у нас, но он гордый. У него есть свой примус. И потом, теперь, поступив на службу в военно-воздушные силы, он здесь почти не бывает.

– Чем он занимается в ВВС, Альф? Вроде бы война, но никто не воюет. Я права?

– Кажется, летчики тренируются, а он у них за инструктора по этому делу.

– Он же еще совсем молоденький, одного возраста с нашим Роном, судя по виду!

– Все равно он летает уже не один год. Он говорит, что в авиации наплыв людей, желающих летать, но самолеты видевших только в кино.

– Ну и что, все равно никто не воюет, – упрямо произнесла Дейзи. Она отказалась от чая и, забрав каплуна и горшочек только что взбитого золотистого масла, снова села за руль фургона, чтобы продолжить доставку заказов.

Рождество отмечали в родительском доме только близнецы Петри, однако семья делала вид, что ничего не изменилось. Все приготавливалось по давней схеме, известной Дейзи много лет. Рождество пришлось на воскресенье, и девушки радовались двум выходным дням, ведь по воскресеньям лавка все равно никогда не открывалась. Члены семьи, не находившиеся на действительной военной службе, отдыхали в гостиной, перед мерцающей в окне елочкой. По настоянию Флоры елку наряжали каждый год.

– Многие, у кого нет даже дома, не то что елки, проходят мимо нашего дома, – говорила она. – Так мы делимся с ними хотя бы рождественским настроением, а разве не это в наши ужасные времена ценнее всего?

Сначала все шуршали оберточной бумагой, спеша увидеть свои подарки, и издавали восторженные возгласы, потом Флора заставила себя покинуть удобное кресло, чтобы поставить в печь каплуна. В этот раз праздничное угощение вышло не хуже королевского: каплун, жареная картошка, свежая брюссельская капуста из огорода Грейс, а потом еще рождественский пудинг с заварным кремом.

– Не ходи, мама, я сама, – сказала Дейзи, услышав звонок в дверь.

– Кто-нибудь видел Грейс? Прошу у всех прощения. С Рождеством! – зашебетала Салли, влетев в комнату. На ней был тот самый костюм, который ей подарили подруги, но все понимали, что она пришла не для того, чтобы покрасоваться в нем и в подарке своих родителей – сидевшей на ее кудрях набекрень красной шляпке. – Не хочется вас тревожить, но она никогда так сильно не задерживалась. В ее доме пусто.

У Салли был такой вид, будто она вот-вот расплачется. Грейс почти каждый год проводила Рождество с семьей Салли с тех пор, как приехала в Дартфорд робкой семилеткой. Меган Паттерсон приняла малышку без особой охоты и ограничилась предоставлением ей спального места, не делая ничего, чтобы создать ей уют. Она работала продавцом в благотворительном магазине на Хай-стрит и жила собственной жизнью. Сводная сестра не доставляла ей никакой радости, а только мешала.

– Куда же она могла подеваться, Салли? Что-то не припомню других близких ей людей...

Салли покачала головой:

– Вы знаете Грейс, она не болтушка, наоборот. Кажется, я даже не слышала от нее имен тех, кто вместе с ней работает. Мы с отцом заглянули в магазин – вдруг Меган что-то распаковывает и разбирает, – но там закрыто и пусто.

Салли подождала, но все молчали, и она продолжила:

– После моей вечеринки она была странной, но я думала, что она забыла, как ее дразнили. На прошлой неделе мама однажды повела ее в кино, и они, как всегда, обсуждали рождественский ужин. А сегодня она как сквозь землю провалилась!

– А вдруг они с сестрой... – начала было Флора.

– Я вас умоляю, миссис Петри! Мы не маленькие и прекрасно знаем, что такое ее сестра. Грейс никуда с ней не ходит. Папа обошел дом – он пуст. Мы надеялись, что она здесь. Возможно, она в гостях у кого-то из своих сослуживцев, но почему тогда ничего не сказала маме?

– Понятия не имею. Все это не похоже на Грейс. Надо продолжить поиски! – решительно заключила Дейзи. – Может, пошла гулять и забыла о времени – и о расстоянии... – Она посмотрела на мать.

– Ужин никуда не убежит, дочка, – сказала та. – Ступай поищи подругу. В конце концов, мы здесь собрались есть ее брюссельскую капусту!

Роуз вышла в коридор следом за Дейзи. Обе надели шерстяные пальто и натянули на головы новые береты – рождественский подарок Флоры, умелой вязальщицы.

– Прости, мама. Начинайте с отцом без нас.

Когда за дочерьми закрылась дверь, Флора и Фред сели у камина. Делать было нечего, приходилось праздновать Рождество без сыновей.

– Будь я проклят, если проглочу хотя бы кусок без моих девочек, – проворчал Фред.

Флора кивнула и взялась за свое вязание. Шарф, который она предназначала для Дейзи, к моменту возвращения дочерей успел изрядно удлиниться.

– Мама и папа, простите! – крикнули близнецы дуэтом. – Представляете, где мы ее отыскали? В этом ужасном бомбоубежище Андерсона. Мы дважды мимо него прошли и не подумали туда заглянуть. С ней все в порядке, мам. Молчит, как всегда. Может, поссорилась с Меган? Мы пытались ее разговорить, миссис Бруэр накормила ее вкусным горячим ужином. – Обе вопросительно повернулись к кухне.

– У вас не больше пяти минут, девочки. Ваш отец не захотел начать без вас. Скорее! Подождите, сейчас вы увидите, что отец принес из магазина!

У девушек не было привычки к спиртному, и рюмка шерри стала для каждой праздником.

– Испанское, самое лучшее! – похвалил Фред. – Только смотрите, больше никому не позволяйте угощать вас шерри!

Неужели еда вышла безупречной или восторг от шерри бросил на нее золотой отблеск? Никто как будто не заметил, что капустун получился суховатым, а капуста переварилась.

Дейзи любовалась рюмкой с шерри, отражавшей огонь камина, но ее мысли были далеко. Она не могла не думать о летчике. Пьет ли и он в честь Рождества настоящий испанский шерри? Несомненно! Ведь шерри – это верх изысканности!

Глава 2

Январь 1940 года

Дейзи проснулась по будильнику и, как всегда, со стоном укрылась с головой, но уже через секунду, вспомнив про свое обещание, откинула стеганое одеяло и прыгнула с кровати. Настолько похолодало, что она, забыв о спящей сестре, исполнила резвый боевой танец на коврике между двумя кроватями. Хватало одного взгляда, чтобы убедиться: Роуз Петри ничем не разбудишь.

Протиснувшись к окну и отодвинув занавеску, она ахнула. Не было видно ничего, кроме узоров на стекле – картины, намалеванной Санта Клаусом. Дейзи подышала на иней и потеряла его рукавом халата. Получился глазок.

Снаружи раскинулся замороженный мир. Год начался с метелей, мороз не собирался отступать. Выпавший за два дня снег сначала превратился под колесами машин в грязную жижу, а потом замерз. Дейзи схватила одежду, сполоснула лицо и части шеи, которые, по ее мнению, будут на виду, оделась и крадучись покинула спальню. В кухню она решила не заходить: времени на кипячение воды и на чай все равно не оставалось. Она тихо спустилась, надела тяжелое зимнее пальто, веселенькую шляпку и уже довязанный шарф – еще один мамин подарок к Рождеству, схватила ненавистный противогаз – на самом деле газовой атаки, как и какой-либо атаки вообще, не предвиделось – и выскочила из дому.

Дыхание буквально замерзло у нее в горле, и ее охватила паника. Таких холодов она не помнила. Придя в себя, она заковыляла по ледяным кочкам к расчищенной дороге.

Скользя и спотыкаясь, Дейзи подошла к домику, где жила со сводной сестрой Грейс. Подруга открыла дверь и втянула ее внутрь. Судя по всему, она недавно плакала.

– Что случилось, Грейс? Прости, что задержалась: так скользко, что впору передвигаться ползком!

– Что поделаешь, с дорогами беда! Идем!

Второпях Дейзи бросила свою сумку с противогазом мимо табурета, и она с громким хлопком упала на дощатый пол. Дейзи застонала и закатила глаза.

– Ничего, она вернулась ночью, да и вообще такого шума маловато, чтобы разбудить Меган, – успокоила ее Грейс.

Дейзи побрела за подругой по холодному домику. Грейс была фанатичной приверженкой чистоты и аккуратности, но Дейзи успела увидеть три пары модных шелковых чулок, сохнувших на проволоке над кухонной плитой. Она невольно посмотрела на свои ноги, обтянутые фильдеперсом.

– До чего же здорово носить такие, Грейс!

– Для меня они недопустимо дороги, да и для тебя, думаю, тоже. Я видела такие в магазине «Керр»: три шиллинга пара!

– Значит, тут висят чулки на девять шиллингов! У кого могут водиться такие деньжищи, как ты думаешь?

Грейс, не говоря ни слова, открыла дверь в садик, и они с Дейзи застыли, глядя на свою радость и гордость, огород, уничтоженный морозом. А ведь даже Салли не жалела своих длинных лакированных ногтей, копаясь здесь в земле!

– Все превратилось в лед, Дейзи. Не осталось ни одной съедобной былинки.

Накануне вечером Грейс сорвала в огороде два стебля с кочанчиками, для Бруэров и для Петри. Ее порадовали обильные всходы брюссельской капусты, еще остававшиеся тогда на грядках. Теперь, через двенадцать часов, всему пришел конец.

– Невелико богатство, Дейзи, а как жалко!..

– Зато мы лакомились свежими овощами не одну неделю. Уверена, мама даже из этого умудрится сварить суп. Будет очень вкусно. – Глядя на Грейс, она гадала, что означает выражение на лице подруги. – В чем дело, Грейс? Неужели только в замерзшей капусте?

– Наверное, не только... Мне так нравилось здесь работать. Это было особенное ощущение: я чувствовала землю, сеяла семена, а спустя несколько недель снимала урожай. На этот год у меня имелись серьезные планы: лучше подготовить почву, сделать семенные лунки глубже, не ограничиваться брюссельской капустой, а замахнуться на горох – представляешь, Дейзи, свежий горошек! А там недалеко до ревения и клубники...

– Как насчет салата и помидоров?

– Ты заглядываешь слишком далеко, – улыбнулась Грейс, и Дейзи обрадовалась, что успокоила подругу. При этом она вовсе не шутила.

– Кажется, я видела помидоры возле Старого Поместья, – сказала она. – У тебя получится, Грейс. Я тебе помогу. Мы с тобой сильнее, чем может показаться. Давай-ка сложим эту мороженую капусту в мешок. Ботва тоже пойдет в дело.

– Хорошо, что под Рождество мы выкопали картошку. Нет ничего хуже мороженных клубней: разваливаются, а запах!..

– Откуда ты знаешь?

– Не помню... наверное, где-то прочла. – Грейс вырвала из земли куст с несколькими кочанчиками и бросила в мешок Дейзи.

Грейс было пора на службу – она работала в конторе на фабрике боеприпасов. Попрощавшись с подругой, Дейзи пошла с мешком домой.

Флора хлопотала в лавке и не обратила внимания на мешок.

– Не вспомнишь, дочка, кто предупреждал о скором введении карточек?

– Кажется, викарий, мама, а что?

– Откуда взялась эта нехватка сахара? Не говоря о масле и беконе! Некоторые покупатели говорят, что раз так, им будет все равно, где покупать – вернее, где получать отказ.

– Давай по порядку, мам. Сахара не хватает потому, что его сюда завозят, – мы его не выращиваем. А корабли нужны теперь для другого – оружия, солдат. В общем, не до сахара теперь. И не до масла с беконом.

– Как известно, Нэнси Хамбл сбивает у себя на ферме отменное масло. Еще на двух фермах по соседству откармливают поросят.

– Для страны это капля в море. Не знаю, откуда все нам везут, может, даже из Новой Зеландии, со всего Содружества. Мам, сейчас есть дело поважнее: ты сможешь что-нибудь сделать из овощей бедняжки Грейс?

– А как же, все пойдет в дело! Только долго ли это будет продолжаться? Если вчера мороз лютовал по всей стране, а не только у нас в Кенте, то все зеленщики свернут торговлю раньше, чем ты добежишь со своим мешком до второго этажа!

Дейзи схватила мешок с оттаивающими овощами, уже издававшими неприятный запах, и, перепрыгивая через ступеньки, влетела в кухню, где небрежно вывалила все в раковину.

– Каша в углу плиты! – донесся до нее материнский голос. Она положила себе в миску овсянки, бросила в нее кусок рождественского масла от Нэнси и уселась перед огнем в удобном отцовском кресле. От камина тянуло упоительным запахом; Дейзи согрелась от одного аромата древесного дыма.

Совсем скоро, насытившись, как следует умывшись теплой водой и надев теплую шерстяную юбку и вязаную кофту, Дейзи спустилась вниз, чтобы сменить в лавке мать. Но за то недолгое время, что она провела наверху, лавка наполнилась возбужденно переговаривающимися, жестикулирующими людьми. Сначала Дейзи решила, что произошел несчастный случай.

– С тобой все в порядке, мама?

– Что со мной сделается! Но викарий принес недобрые вести.

Дейзи стала озиаться и высмотрела доброе морщинистое лицо викария местной англиканской церкви.

– Доброе утро, мистер Тайвертон. Что за новости?

Он, как обычно, ласково ей улыбнулся, она ответила тем же. В его улыбке была неотразимость и заразительность. Недаром Сэм говорил, что такая приветливость свойственна только англиканским священникам!

– Что ж, дорогая моя, – начал преподобный Тайвертон, – все зависит от того, как поведем себя мы сами. С сегодняшнего утра вступили в силу ограничения на отпуск сахара, масла и бекона. Теперь нам официально разрешено по четыре унции масла и бекона или ветчины и по двенадцать унций сахара² на взрослого в неделю. Каждый получит книжечку с карточками, которую надо будет зарегистрировать в местной лавке. Уверен, скоро рационирование распространится на все, включая воздух, которым мы дышим.

– Если дойдет до газовых атак, то воздуха не захочется нам самим.

Дейзи и Флора уставились друг на друга, не веря собственным ушам. В мисс Патридж проснулось чувство юмора! Кто бы мог подумать?

Фред, побывавший на оптовых складах и удивившийся их скудости и безлюдности, вошел в заднюю дверь в тот самый момент, когда лавку покинул последний покупатель. Жене и дочери не терпелось поделиться с ним новостями, но он остановил их поднятой ладонью.

– Я как раз подъезжал, когда они расходились. Не скажу, что у них был довольный вид. Что ж, если они не доверяют нам и нашим низким ценам, как мы ни стараемся, то одно могу тебе сказать, Флора, любовь моя: пусть делают покупки где-нибудь еще. Недужные и ленивые все равно никуда от нас не денутся, будем развозить продукты по домам, когда они сделают заказ.

– Я не подхожу ни под одну из этих категорий, Фред, – подал голос мистер Фишер, тихонько вошедший в лавку во время речи Фреда.

– Я не имел в виду джентльменов вроде вас, мистер Фишер. Вы у нас всегда желанный гость.

– Надеюсь, таким и останусь.

– Что бы могло этому помешать? – спросил Фред с некоторой воинственностью.

Старик печально посмотрел на него:

– Вы действительно не знаете, друг мой? Я не просто ненавистный немец, Фред, а еще и ненавистный немецкий еврей.

Семейство озадаченно уставилось на него. Первой пришла в себя Флора:

– Какое это имеет отношение к цене чая, мистер Фишер? Вы же один из наших лучших покупателей, мы вас так давно знаем.

– Боже, кажется, целую жизнь! – добавил Фред, пытаясь разрядить обстановку.

– Вы возьмете мою продовольственную книжку?

Фред и Флора заверили его, что ему нечего опасаться. Дейзи, стоявшая в тени, размышляла о скрытом смысле этого на первый взгляд незамысловатого разговора. Бедный Фишер! На родине его ненавидят из-за его религии, а во всех других странах – за то, что он из Германии... Люди бывают такими жестокими! Не с Фишером же они воюют, а с немцами, живущими в Германии. Эта мысль ее тоже не очень устроила, поэтому она решила поразмыслить над тем, чем ей теперь заняться.

² 113 граммов масла и бекона или ветчины и по 340 граммов сахара на взрослого в неделю.

Во-первых, есть курсы первой медицинской помощи. Бог в помощь тем, кому понадобится содействие Дейзи Петри! «Я перевязку толком сделать и то не могу!» – сказала она как-то раз и удостоилась неодобрительного маминого взгляда. Родители продолжали беседовать с Фишером. По мнению отца, она могла бы учиться не только на медсестру, но и на члена бригады противовоздушной обороны. Что ж, она не против. Но достаточно ли этого по сравнению с тем, что делают другие?

Ее прыгающие мысли задержались на молодом летчике. По словам Альфа, тот уже вернулся на службу в ВВС. Где он теперь – в своей эскадрилье или опять в старой конюшне Альфа, при своем самолете? Боевая машина была еще не в том состоянии, чтобы на ней выполнять серьезные задания.

«Я разбираюсь в двигателях, – напомнила она себе. – Я могла бы его сменить, если ему понадобится вернуться в строй».

Сомнений хватало, ее решение оставалось под большим вопросом. Он из джентльменов, да еще владелец собственного самолета. Просто поднимет ее на смех! Наверняка скажет: «Ни одна женщина не справится с моим чудесным самолетом!» С другой стороны, он говорил с ней без всякого высокомерия. Если самолеты интересуют его больше, чем девушки, то он мог бы – чем черт не шутит? – не обращать внимания на ее пол. Подумаешь, девушка! То есть женщина, поправила она себя. Что ему стоит увидеть в ней просто еще одного неплохого механика?

– Дейзи, милая, будь добра, принеси со склада овсянки. – Фишер удалился, ее родители остались одни.

Дейзи набрала в легкие побольше воздуха. Она приняла решение, способное полностью изменить ее жизнь.

– Прости, папа, я обещала Нэнси Хамбл привезти ей консервированные персики, когда они у нас появятся. Я поехала.

Говоря это, она уже вытирала ладони о фартук. Не дав родителям возразить, она сняла с крючка ключи от фургона и выскочила из лавки в проулок за домом. Фургон стоял в гараже напротив. С большим трудом – проулок зарос льдом – она подогнала фургон к задней двери лавки.

– Помоги мне погрузить коробки, папа.

Флора поднялась в квартиру. По понедельникам она обычно устраивала стирку. Поскольку в этот раз помешали Рождество и Новый год, у нее накопилась гора грязного белья, и она не могла позволить себе пропадать в лавке. Стирка всегда растягивалась на несколько часов. Сначала во всех мыслимых емкостях кипятилась вода. Потом одежда сортировалась и стиралась при помощи стиральной доски. Далее полоскание, отжимной каток, установленный Фредом над лоханью, служившей семейству ванной, и развешивание для просушки – либо на блоке под потолком кухни, либо, если позволяла погода, на бельевых веревках на маленьком бетонном пятчке перед гаражом. В дни стирки Флора никак не могла торговать в лавке.

Фред оставил дверь открытой, чтобы услышать колокольчик, оповещающий о приходе в лавку покупателя, и начал погрузку.

– Первый адрес – ферма при Старом Поместье, папа. Я обещала Нэнси, что сначала заеду к ней. Там, кажется, проводит отпуск кто-то из ее родни.

– Проводил, дочка. Наверное, он уже укатил. Хорошо, когда дают увольнительную на сутки, о неделе и думать нечего.

– А вдруг?..

Фред ворчал, но загружал коробки в кузов фургона в том порядке, о котором просила Дейзи. Скоро она поехала. В животе у нее шуршала крылышками целая стая бабочек. Это было приятное возбуждение.

«Надейся на лучшее, Дейзи. Что он может тебе сказать? Либо да, либо нет». Въезжая в старинные чугунные ворота, она пыталась справиться с волнением. К обветшавшим конюшням она подъехала с мокрыми ладонями. В чем дело? Уж, конечно, не в этом аристократе, каким бы ни был его голос, глаза. Даже то, что он – настоящий пилот, не должно было ее волновать. Дейзи убеждала себя, что причина ее состояния – неодушевленный аппарат, самолет.

Но ее ждало разочарование. Конюшни пустовали, все двери и ворота встретили ее замками. Окна в главных дверях находились слишком высоко для нее. Дейзи осмотрелась. О том, что здесь раньше стоял самолет, свидетельствовали только пятна машинного масла на булыжниках. Она нагнулась, провела по ним кончиками пальцев, понюхала. Какой замечательный запах, даже лучше, чем на лесопилке. Вот и все, чем ей остается довольствоваться...

Она уныло побрела к фермерскому дому.

– Вот это сюрприз! Мы сегодня ничего не ждали, Дейзи, ведь ты побывала у нас в субботу.

Она достала небольшую коробку.

– Я решила побаловать вас консервированными персиками. – Видя удивление Нэнси, она смущенно объяснила: – Знаю, у вас хватает ягод и яблок, но, может, и персики пригодятся для разнообразия?

Нэнси довольно закивала:

– Какая же ты умница, Дейзи! Молодой красавчик-летчик, который здесь был, конечно, ни при чем. Мой Альф сказал, что если он увидит еще одну банку компота из ревеня, то он за себя не отвечает. А мне такой никогда не надоедает!

Глядя на нее, Дейзи краснела с каждой секундой все сильнее. Пока оставалась хотя бы капля смелости, надо было задать вопрос про самолет.

– Простите, Нэнси. Отец не зря меня предупреждал: зачем персики людям, у которых есть сад?

– Но персики-то в нем не растут! Я беру, не сомневайся!

У Дейзи немного отлегло от сердца.

– Так куда подевался самолет? – выпалила она.

– Самолет или летчик, Дейзи Петри? Что или кого ты ищешь?

– Ясное дело, самолет! Эдейра я бы не узнала, даже если бы о него споткнулась. Раз ввели карточки, значит, война становится серьезной. Я тоже должна делать что-то... что-то важное.

– Ты нужна матери, Дейзи.

– Нет, Нэнси, при всем уважении, это не так. Я осталась в лавке, потому что раньше работала в ней по субботам, а еще потому, что маме взбрело в голову, будто я слабенькая. С чего бы это? Наверное, дело в том, что я уступаю ростом Роуз. Но она выше всех! Вы же знаете, Нэнси, как хорошо у меня получается с механизмами, не хуже, чем у моих братьев. Вот я и подумала, что смогла бы помочь отремонтировать самолет. Вряд ли его мотор сильно отличается от мотора грузовика или фургона, а их я разбираю и собираю, можно сказать, с закрытыми глазами. Хочется заниматься чем-то более полезным и важным, чем сидение в теплой лавке и взвешивание сухого гороха!

– Людей кто-то должен кормить, милая.

– А мать с отцом на что? Если припечет, могут кого-нибудь нанять. – Она сама удивилась тому, какая стройная идея вдруг возникла у нее в голове. – Взять хотя бы старого Фишера. Уверена, несколько лишних шиллингов в неделю ему не помешают.

– Может, и так. Сейчас я отнесу эту коробку в кладовую, и мы с тобой попьем чаю.

– Подождите! – Дейзи схватила Нэнси за руку. – Отец остался в лавке один, мне надо срочно возвращаться. Как же самолет?

– Этот парень – летчик, Дейзи. Он приезжает сюда, когда выдается свободный выходной, чтобы повозиться с самолетом, но к нам только заглядывает, привести себя в порядок и попить со мной и с Альфом чаю в кухне. Не ведаю, где он останавливается, – возможно, Альф знает. Если Эдейр снова появится, я обязательно передам ему твое предложение. Вот все, что я могу сделать.

Дейзи пришлось довольствоваться этим. Она развозила продукты, жалея о рушащихся планах; а планы и возбуждение прошли еще раньше. Хотя, если поразмыслить, все складывалось как раз неплохо: он непременно вернется к своему ненаглядному аэроплану, Нэнси передаст ему ее слова, он будет рад предложенной помощи, и совсем скоро бывшая продавщица Дейзи Петри примет важное участие в обороне страны.

Но проходили недели, а он все не возвращался.

В начале февраля Грейс перестала посещать курсы оказания первой медицинской помощи. Дейзи не очень волновалась. Рабочий день у всех постоянно удлинялся, и Грейс не была исключением. Не рассчитывая что-то разузнать, Дейзи все же направилась в магазин Меган Паттерсон.

– Грейс не было на занятиях на этой неделе, Меган. Она здорова?

Сестра Грейс совершенно не была на нее похожа: высокая, очень худая, ее дерзкая прическа имела совершенно неестественный рыжий оттенок. Наряд у нее был самый современный, Дейзи не могла им не восхититься. Однако представшая перед ней картина показалась ей странной. Меган недолго любила подруг Грейс и это еще больше мешало разобраться в происходящем.

– Откуда я знаю? – ответила Меган на вопрос Дейзи. – Мне что, больше делать нечего, как каждые пять минут заглядывать в ее комнату?

Вспомнив безрадостную холодную кухню с тремя парами дорогих чулок на проволоке, Дейзи ошетичилась.

– Уверена, у тебя есть другие занятия, кроме присмотра за сестрой. Раньше ты никогда этого не делала, чего ради ломать давнюю привычку?

– Убирайся, мордастая стерва! – прорычала Меган, заноса руку как для удара.

– Только попробуй, Меган Паттерсон, – и через две минуты ты будешь иметь дело с моим отцом. Увидишь Грейс – передай ей, что мы за нее волнуемся.

С непривычно сильно колотящимся сердцем Дейзи заторопилась домой. Она слышала собственный голос и не могла поверить, что вышла из себя и закричала. Своей тревогой за Грейс она поделилась с матерью. О грубых словах в адрес Меган она умолчала, как и о том, что та чуть не ударила ее в отместку за резкость.

– По-моему, это началось в тот день, когда ввели карточки. Тогда еще померз весь ее огород. С тех пор я ее почти не встречала, но ведь все мы теперь света белого не видим, тем более что в такой холод остается только сидеть в четырех стенах и слушать радио. Но она пропустила уже два занятия, которые так любит! Перевязывать у нее получается не в пример быстрее и лучше, чем у меня. Почему она какую уже неделю не заходит на чай? Вдруг она умерла?

– Боже сохрани, Дейзи Петри! Какое там «умерла»! Меган... Конечно, она не лучшая в мире сестра, но такое знала бы даже она. А тебе, девочка моя, стоило бы чаще танцевать с Роуз и с ее подругами. У нее полно знакомых молодых людей на фабрике и во дворце культуры. Танцевать с парнем – еще не значит обещать выйти за него замуж, а ты раньше так любила танцы! Сходила бы с девочками развлечься в субботу! И Грейс прихватите. Будьте с ней поласковее.

Дейзи встала:

– У меня не получается думать ни о чем, кроме войны, мама... И как мне «прихватить» Грейс, если я не могу ее найти? Загляну-ка в театр, переговорю с Салли. Может, она что-

нибудь слышала? Ничего не знаю о ней самой с тех пор, как ее взяли практиканткой в театральную труппу. Было бы здорово побывать за кулисами!

Прозвенел дверной колокольчик. Мать и дочь в тревоге уставились на дверь и при появлении Берни Джонса облегченно перевели дух.

– Доброе утро, леди, вам сегодня уйма писем: по одному каждой! А плохие вести я отложу для Фреда, пускай он сам с ними знакомится.

Флора и Дейзи встретили эту старую шутку смехом, предложили Берни чаю, от которого он отказался, и занялись своими письмами. Несколько минут единственным звуком в комнате был шелест разрываемой бумаги.

– Это от Фила, первая весточка с корабля. Представь, Дейзи, письмо из открытого моря!

Не отвечая матери, Дейзи смотрела на свое письмо – вырванную из блокнота страницу. Она перечитывала его снова и снова, вертела в руках, всматривалась в пустую обратную сторону, как будто где-то там скрывалось что-то, способное все разъяснить. Ничего! Она в который раз прочла короткое послание:

Дорогая Дейзи, я записалась в женскую Земледельческую армию. Не знаю, куда меня отправят, пока что я здесь, в Кенте, но это только на время обучения, а потом меня отошлют на постоянную работу на ферму. Я дам знать об этом тебе и Салли, тогда вы, может быть, мне напишете. У нас будет настоящий сельскохозяйственный инвентарь, я многому научусь. Выращивать продовольственные культуры в Великобритании очень важно. У меня форменная одежда, Дейз, все новенькое!

Передай своей маме и маме Салли мою благодарность и извинись за то, что я так пропала: иначе было нельзя.

Грейс.

Р. S. Скажи своей маме и маме Салли, что я напишу им, когда у меня будет хорошая бумага. Будешь мне писать – ответь, пожалуйста, Салли все еще собирается стать актрисой?

– Ты хорошо себя чувствуешь, Дейзи? У тебя странный вид. – Флора смотрела на дочь с испугом. – Надеюсь, новости не плохие?

– Я оказалась неважной подругой... – Дейзи отдала письмо матери.

– Бедняжка Грейс! Интересно, знала ли ее распутная сестрица, что Грейс сбежала, когда ты к ним заявила? На случай, если нет, мы и теперь ей не скажем, Дейз. Пусть хоть чуть-чуть попереживает – ей не помешает.

– Почему письмо без обратного адреса? Просит написать ей, а куда? Кажется, у нее никогда в жизни не было нового костюма. А ведь она заплатила свою долю за костюм для Салли! Почему я ей не помогла?

Флора завела дочь в нишу комнаты и усадила на шаткий табурет.

– Возьми себя в руки, Дейзи, и соберись с мыслями. Ты еще как ей помогла! Она ведь написала тебе, а не кому-нибудь еще. А обновы у нее бывали: я, твой отец, родители Салли всегда что-то ей дарили на Рождество. Бывало, я шила и вязала вещи специально для нее. А теперь одевайся, иди в кинотеатр и расскажи про письмо Бруэрам, они тоже беспокоятся. Грейс напишет еще со временем, когда она освоится в своей новой жизни.

– Она была так счастлива на своем огороде, мама!

– Тогда представь, как ей будет хорошо на большом цветущем поле! Кстати, работы хватает и здесь, ты сможешь заглянуть к Бруэрам, когда закроется лавка. Дни становятся длиннее, не найдешь Салли дома – успеешь сбежать к ней в театр.

Дейзи послушно кивнула:

– Отлично. Что мне сделать?

– Будь умницей, принеси коробку печенья «Бонн». Оно хорошо расходуется, в лавке осталось только две упаковки. А еще поищи рулон желтой ланкастерской клеенки. Твой отец прав: надо, чтобы наши полки выглядели повеселее, поднимали настроение.

Два этих поручения, а также обслуживание покупателей, всегда наведывавшихся в лавку ближе к закрытию в надежде, что на что-нибудь скоропортящееся упадет цена, не дали Дейзи заскучать. Двое мальчишек вызывали у нее особенное сочувствие. Старший изображал суровость, но она чувствовала, что он прикидывается. Она всегда старалась сунуть им побольше, за что устаивалась презрительной усмешки от старшего, зато младший благодарно улыбался.

Лишь только отец запер дверь лавки, она повесила фартук на крючок, сбегала наверх умыться и переделалась из рабочего комбинезона в синюю шерстяную юбку с узкой талией и в полосатый бело-голубой джемпер с круглым воротником и с короткими рукавами.

– Я ненадолго! – крикнула она родителям и выбежала на улицу.

Она ждала, что в окнах дома Салли будет темно, потому что ее родители большую часть времени проводили в кинотеатре. Но Дейзи ждал приятный сюрприз: окно гостиной Бруэров светилось.

Дверь открыла сама Салли, одетая как для особого случая. Ее обрадовало появление подруги.

– Вот здорово, Дейз! Мать с отцом на работе, а мне надо учить роль. Сейчас мы попьем чаю, а потом ты меня послушаешь. Все как раньше! Помнишь, как мы в младших классах вместе делали уроки?

Дейзи кивнула:

– А как же, Салли! Я бы с радостью тебя послушала, но сейчас не до того. Тут у меня письмо, я должна тебе его показать.

– Ты меня пугаешь, Дейз! От кого письмо? – Она отвела подругу в кухню. – Садись, рассказывай.

Но Дейзи молча отдала подруге письмо. Салли прочла его, стоя у стола. Когда эта великая звезда сцены и экрана расплакалась, Дейзи не удивилась.

– Бедная, бедная Грейс! Ей, наверное, было совсем худо, а мы ничего не замечали.

Салли – любимая и, честно говоря, избалованная дочь, единственный ребенок своих родителей – не отличалась склонностью к самосуду. Она взяла на себя часть ответственности за Грейс, как и ее подруги-близнецы, они ведь все всегда делали вместе, но ее никогда не посещали мысли о том, каково это – жить непрошеной гостьей в доме, где не получаешь ни крупинки любви.

Дейзи, воспитанная в большой дружной семье, чье кредо, существуй оно, звучало бы как «мы в ответе за тех, кому живется хуже, чем нам», знала, что чувствует Салли, и крепко ее обняла.

– Ты права, мы не понимали ее состояния, но мы ведь знали, что у нее несчастливая жизнь. Каково это, жить с такой ужасной эгоисткой сестрой? Погляди, как она любит наших с тобой мам, да и пап, наверное, тоже. Так что выше голову, если мы и проштрафились, то это дело поправимое. Когда еще раз нам напишет, ответим, что она у нас всегда желанная гостья.

– Как же ей ответить? – спросила Салли, театральным жестом указывая на письмо. – Где обратный адрес?

– Не ищи неприятностей, – ответила ей Дейзи словами своего отца. – Они запросто найдут нас сами.

– Мне пора, – сказала Дейзи со вздохом спустя некоторое время. Девушки уже обсуждали проблему во всех подробностях. – Она напишет еще, и мы будем знать ее почтовый

адрес. Надо только набраться терпения и подождать. Иди учи свою роль. Мы все придем посмотреть на тебя в пьесе. Ждем не дождемся этого события!

Спустя несколько дней Дейзи сидела с развернутой газетой «Дартфорд Кроникл», где сообщалось о германской агрессии во всей Европе. Дверной колокольчик заставил ее оторваться от газеты. Высокий светловолосый мужчина в летной форме смотрел на нее с озадаченным выражением лица.

«Сигареты», – решила Дейзи и встала с любезной улыбкой.

– Я могу вам помочь?

– Да, если действительно умеете разбирать, чистить и снова собирать моторы.

– Вам самому это, выходит, не потянуть? – Насмешливая фраза сорвалась у нее с языка непроизвольно, и ей сразу захотелось провалиться сквозь землю от своей неотесанности. Она знала, что раньше никто с ним так не разговаривал: девушки его сословия не позволяют себе грубостей.

Но он удивил ее, рассмеявшись.

– Так говорила моя бабушка. – Он протянул руку. – Эдейр Максвелл.

Дейзи подала ему руку, и по всему ее телу пробежала приятная дрожь. Ну почему она решила не надевать сегодня то темно-синее льняное платье с голубеньким воротничком фасона «Питер Пэн», найденное ее матерью на рыночном развале? Она густо покраснела, но молодой человек, в отличие от нее, не дрожал.

– Дейзи Петри... – выдавила она, лязгая зубами.

– Это вы появились на свет с молотком в руке? Или с гаечным ключом?

Будь на его месте кто-то из ее братьев или мальчишек и молодых людей, вечно толпившихся в их доме, она бы не полезла за словом в карман, не застыла бы, как бессловесная дурочка, с разинутым ртом, перед настоящим летчиком.

Он сам положил конец ее переживаниям.

– У меня двадцатичасовое увольнение. Я был на ферме, где Альф сообщил о вашем чрезвычайно заманчивом предложении.

Она вытаращила глаза. Это что, шутка? Как ей отвечать: «Конечно, я к вашим услугам» или «Еще чего!»? От растерянности она опять промолчала.

– Мисс Петри, – начал он и со смехом осекся. – Вы меня смущаете: хлопаете глазами, как эти куклы – забыл их название... Начну сначала. Мисс Петри, Дейзи, я чрезвычайно благодарен вам за предложение помочь с... моим самолетом. Большое спасибо.

На это Дейзи, уставившейся в пол, было проще ответить.

– Пожалуйста. – Она не узнала собственного голоса.

Эдейр посмотрел на свои часы:

– У меня осталось девять часов двадцать три минуты. Двадцать две, двадцать одна...

– Хватит надо мной смеяться!

– Что вы, дорогая мисс Петри, я вовсе не смеюсь над вами, просто весьма затруднительно беседовать с человеком, так увлеченно разглядывающим пол. Вы это серьезно? Вы поедете со мной, чтобы на него взглянуть? Черт возьми, опять вы подражаете той кукле – а глаза-то как хороши!

У Дейзи пробежал холодок по спине. Все-таки надо было нарядиться в новое платье... Он хвалит ее глаза? Вот у Салли действительно красивые глазки – все это твердят. Она сделала над собой усилие и спросила:

– Прямо сейчас? Хотите, чтобы я прямо сейчас поехала к самолету?

– Будьте так добры, моя машина ждет. – Он опять покосился на часы.

– Сначала мне придется сбегать к отцу.

Он был неприятно удивлен.

– Со мной вы в полной безопасности, мисс Петри.

– Может, и так, мистер Эдейр Максвелл... – Теперь смеялась она. – Но должен же кто-то остаться в лавке!

Глава 3

Я помогаю своему другу-летчику ремонтировать его самолет.

Вот я и работаю на победу в войне. Я ремонтирую «Аэронку». Не знаете, что такое «Аэронка»? Это американский самолет, та самая модель, с которой пошло всеобщее сумасшествие – мечта занять собственный самолет...

Эдейру пришлось высадить Дейзи, не довезя ее до дому: он уже опаздывал на базу, а это у военных непростительное нарушение дисциплины. Она медленно побрела по темной улице, жалея, что проходит воодушевление, в котором она провела этот день, и пытаясь удержать хотя бы его часть... Она репетировала свой предстоящий рассказ о случившемся друзьям и родным, особенно братьям. Нет, с ними надо говорить как-то иначе, чтобы они не подняли ее на смех!

Она так задумалась, что на кого-то наткнулась и страшно перепугалась.

– Смотрите, куда идете, юная Дейзи! Вы чуть меня не опрокинули! Что вы делаете одна в такой темноте, на холоде?

– Простите, мистер Гриффитс! Я... – Она замялась. Если сказать «я отремонтировала самолет», ей не поверят, к тому же Эдейр, возможно, хотел бы, чтобы о его самолете знало как можно меньше людей.

– Я встречалась с подругой и теперь возвращаюсь домой. Отец должен выйти мне навстречу.

Гриффитс, старший местной бригады противовоздушной обороны, посмотрел на темные окна квартиры Петри.

– Напомните им, чтобы не зажигали свет. Бегите домой! А своему молодому человеку скажите, чтобы впредь провожал вас до самого дома.

– Конечно, мистер Гриффитс, – пискнула она.

«Молодой человек»? Вот это да! Гриффитс вообразил, что у Дейзи Петри появился ухажер. Она прыснула. Какой из Эдейра Максвелла ухажер? Бери выше: он летчик!

Она почти ощупью добралась до лавки. По причине затемнения, при беззвездном небе, определить расстояние было совершенно невозможно, да и земля под ногами грозила неприятными сюрпризами. Она вставила ключ в замочную скважину и почувствовала облегчение, оказавшись дома. Над лестницей заколебался огонек свечки – это вышла ее встречать сестра.

– Мать с отцом уже легли, сидеть слишком холодно, – тихо сказала она поднимающейся вверх Дейзи. – У нас закончился уголь. Как ты провела время? Понравилось? Удалось посидеть в кабине самолета? Идем в кухню, попьем какао, осталось немного колбасы и картофельного пюре на случай, если ты не ужинала. Ну и ну! Ты видела свои ногти? – воскликнула Роуз в кухне. – Завтра, Дейзи Петри, никто не захочет покупать у тебя масло!

Дейзи так устала, что ей было не до болтовни. Она сидела неподвижно, глядя, как Роуз варит какао.

– Будешь колбасу, Дейз?

– Нет, спасибо. Нэнси напоила нас кофе и дала по здоровенному куску своего «пирога с дичью» – уж не знаю, что у нее там за «дичь»... Вкусняти... – Она осеклась и поправилась: – Очень вкусно. – Ее губы тронула улыбка: оказывается, она училась не только обслуживать самолет.

– Ну, выкладывай!

– Мы приехали в Старое Поместье и...

– Начни с автомобиля и с того, кто сидел за рулем, с этого летчика.

– Я ничего не смогу рассказать, если ты будешь перебивать.

Роуз аккуратно расплела один свой локон, убрала его под заколку и взяла кусочек холодной колбасы. Пока она ела, Дейзи рассказывала. Она плохо запомнила автомобиль, потому что соседство Эдейра Максвелла мешало ей сосредоточиться, зато самолетик смогла описать в мельчайших подробностях: перечислила все его детали и объяснила Роуз, что требовалось сделать с ним владельцу, чтобы преподнести его Королевским ВВС.

– Похоже, работы не так уж много, Дейзи, – заключила Роуз. – Самолет не слишком отличается по устройству от грузовика.

– Эдейр говорит, ему хватило нескольких часов, чтобы научиться летать. Управление очень простое.

– Несколько часов? Никогда не поверю! Наверное, за пару часов можно научиться ездить на нем по аэродрому, но взлетать?!

– Понятия не имею, но обязательно узнаю. Он говорил о какой-то... – она наморщила лоб, – «аэродинамике», что ли? Я не сказала ему, что ничего в этом не смыслю, потому что хочу смыслить! – Она сжала кулаки. – Не знаю как, но я добьюсь своего! Он говорит, что, когда мы все сделаем, он возьмет меня в полет. Там у него два места, одно позади другого. Помнишь большой карт Сэма?

Роуз кивнула.

– Так это как в нем, только борта повыше.

– Вы не слишком засиделись? – В двери вырос их папаша в неказистом халате поверх пижамы, в шапке и шарфе. – Тебе, Роуз, завтра рано утром на фабрику, а тебе, Дейзи, не грех вымыть руки. Представь выражение лица бедняги викария, если ты станешь такими руками нарезать ему сыр!

– Авиационное масло! – заявила Дейзи с горделивым смехом и сама задула принесенную Роуз свечку. Но последнее слово осталось за Роуз.

– Салли не находит себе места от волнения, Дейзи. Миссис Бруэр сказала маме, что Сал скоро перестанет считаться практиканткой и может получить постоянное место в театре, рядом со взаправдашними актерами, а тут еще ты познакомишься с аристократом. Она и ты заживете интересной жизнью!

– Не дури, Роуз! Мы с Эдейром... Мы вместе работаем, только и всего.

– Ага, а я пою не хуже Веры Линн³.

Дейзи больше не вздрагивала, слыша про «двойное зажигание», «сменные элероны», «генераторы магнето»: эти слова стали для нее такими же узнаваемыми и понятными, как «свечи зажигания», «тормоза» и «коленчатый вал». К маю 1940 года она чувствовала себя в кабине желтого самолетика Эдейра, который он так беззаветно любил, как в водительском кресле старого семейного фургона. За эти месяцы Эдейр сумел всего дважды вырваться из своей эскадрильи, зато писал длинные письма, в которых отвечал на многочисленные вопросы Дейзи, причем каждый раз благодарил ее все прочувственнее. Правда, свое обещание взять ее в полет он больше не повторял. Она этого и не ждала, поэтому не выражала обиды. В конце концов, он принадлежал к тем отважным молодым людям, которые каждый день и каждую ночь вылетали на задания. Некоторые не возвращались, пожертвовав собой ради того, чтобы другие могли жить мирно.

Она хранила его письма и то и дело их перечитывала – для сведения, как твердила она себе, а вовсе не потому, что написал их симпатичный молодой человек.

В начале мая Эдейр вымолил себе короткий отпуск и сам повез Дейзи на ферму. Обычно она ездила туда на велосипеде, потому что бензина стало в обрез, и тот, что Петри получали по талонам, приходилось расходовать на развоз заказов. Дейзи ждала его машину, одним ухом ловя слова покупателя, а другим отчаянно прислушиваясь к звукам с улицы.

³ Английская певица, родилась в 1917 г., имела огромную популярность в годы Второй мировой войны.

«Я заеду за вами примерно в одиннадцать», – написал он, и Дейзи знала, что это означает: военный летчик Эдейр Максвелл войдет в лавку и представится ее отцу или матери – кто уж там окажется. По не совсем ясной ей самой причине Дейзи этого не очень хотелось.

Не потому ли, что ее родители, люди работающие, основательные, не вполне доверяли таким, как Эдейр, родившимся не в тесной квартирке над лавкой, а в окруженной тысячами акров угодий пышной аристократической усадьбе, принадлежавшей семье испокон веку? Она отмахнулась от этой неприятной мысли.

Деревья вокруг фермы были в восхитительном розовом, белом, пурпурном цвету. В воздухе разливался упоительный запах сирени. Дейзи и Эдейр, проработавшие несколько часов кряду, теперь сидели на траве под большой березой и утоляли голод приготовленными для них Флорой сэндвичами.

– Ну и удружила нам миссис Петри! – С этими словами Эдейр впился зубами в сэндвич с рыбной пастой. – Вечно я забываю о таких необходимых вещах, как еда! Надо было привезти вашей маме гостинцев...

– Она привыкла кормить мальчиков.

Он пристально посмотрел на Дейзи, и она почувствовала, как у нее горят щеки, и вовсе не от майского солнца.

– Я не мальчик, Дейзи, – сказал он, потянувшись за вторым сэндвичем.

Дейзи прикусила язык. Какой он мальчик, он мужчина, и какой волнующий! У нее появилась мысль, которую она не пожелала принять всерьез. Вдруг он намекает ей, что она тоже уже не девочка? Восемнадцать лет, женщина! Женщина, которая могла бы... Что она могла бы? Полюбить мужчину? Вызвать в нем любовь? Нет, это слишком! Она просто помогла ему отремонтировать его аэроплан, и точка.

Через несколько минут смущенного молчания Эдейр снова заговорил:

– Вам следовало бы записаться в ВААФ⁴: в лавке вы тратите время зря.

Дейзи знала, что ВААФ расшифровывается как «Вспомогательные женские подразделения ВВС». Она читала о них в «Кроникл», и даже в лондонских газетах, которые заказывали некоторые их покупатели. Ей пришло в голову, что можно было бы научиться укладывать парашюты, можно было бы пойти работать в столовую для летчиков – даром, что ли, она всю жизнь только и делала, что мыла посуду и чистила картошку? Но совсем другое дело – работа метеоролога или шифровальщицы... Ей хотелось плакать при мысли, что она почти не понимает самих этих слов, не говоря о том, что за ними стоит.

– Большое спасибо. Как вы думаете, какую работу ВВС могли бы мне предложить?

– Вы хороший механик. Нам нужны механики.

– Вам нужны дипломы, Эдейр. Я ушла из школы в четырнадцать лет. Если я заявлюсь и скажу, что хочу быть механиком в ВААФ, меня просто засмеют. Нет, мой потолок – чистить от объедков тарелки после таких людей, как вы.

– Напрасно вы так, Дейзи. Где ваше воображение? Вы могли бы выучиться на летчицу. Черт возьми, вы же такая смекалистая женщина! Между прочим, иногда образование продолжается и после школы.

Женщина! У нее сильно забилося сердце. Что с ней творится? Чувство было замечательное, но такое странное! Она попробовала пошутить:

– Вы сумасшедший, Эдейр Максвелл! Очень милый, но не в своем уме. Лучше доедайте яблочный пирог, и вернемся к работе.

Он встал и, нагнувшись, поставил на ноги ее.

– Я вас научу. Я каждый день учу мужчин, у которых нет и половины вашей смекалки.

⁴ В А А Ф – (WAAF) Women's Auxillary Air Force.

Сердцебиение стало бешеным. Она делала все, чтобы оставаться спокойной и сосредоточенной. Ни разу еще она не думала всерьез о том, чтобы учиться летать. Ее воображение не шло дальше надежды, молитвы, чтобы ее приняли работать с авиационными моторами. Полеты ей и не снились.

– Вы это несерьезно!

Он взял ее за плечи.

– Признаюсь, я сказал это просто так, не подумав. А вообще-то, Дейзи, почему бы и нет? Мою желтую пташку вы знаете ничуть не хуже меня. В сущности, это славный планер с мотором, садится плавно-плавно, в отличие от некоторых самолетов, на которых я летаю как пилот ВВС. В следующий раз я обязательно подниму свою ласточку в воздух. Не хотел вам этого говорить, а теперь скажу: благодаря вам она уже готова к полету. Если удастся еще и успешно ее посадить, значит, все получилось.

Они прибрались на поляне и вернулись во двор конюшни, к аэроплану.

– Только не говорите мне, что не держались за рычаги и не думали: «Наверняка я могла бы поднять в воздух эту развалюху!» – сказал Эдейр.

Дейзи улыбнулась и промолчала. Конечно, она воображала себя парящей в «Аэронке» над Кентом, но это были всего-навсего беспочвенные мечты. Да, самолеты отрываются от земли и взмывают в воздух, но как это у них получается, оставалось загадкой.

– Ну что вам стоит пришпорить старичка? Осталось всего-навсего присвоить ему имя. Летать на самолете без имени не полагается.

– А какое имя он носил раньше? – спросила Дейзи, садясь в кабину. Она была так взбудоражена, что боялась все испортить своей неловкостью.

– Не помню, что-то избитое, вроде «Посланца богов». – Он залюбовался Дейзи, сидящей в кресле пилота. – Вы ни разу не спросили, почему самолет в таком плачевном состоянии.

– Это не мое дело.

– Самолет принадлежал моему отцу, но он погиб в нелепой аварии, так и не успев на нем полетать.

– Мне очень жаль...

– Это было давно, Дейзи. Откатите старичка к забору, пожалуйста. – Голос зазвучал по-прежнему – профессионально, деловито.

Заперев конюшню, они зашагали на ферму, чтобы сообщить Хамблам об отъезде Эдейра.

– Береги себя! – напутствовали они его. – Можно спросить, когда мы опять тебя увидим?

Эдейр грустно покачал головой.

– А тебя, Дейзи?

– Думаю, только когда вам понадобятся бакалейные товары, Альф.

– Она – лучший во всей Англии механик, Альф! Знали бы вы, в какую игрушку она превратила самолет! Наша Дейзи будет секретным оружием Королевских ВВС. Но это потом, а пока мне надо доставить ее обратно домой.

На обратном пути в Дартфорд оба молчали. Эдейр без труда нашел на Хай-стрит место для машины и хотел было вылезти первым. Но Дейзи опередила его.

– Вам нельзя терять время, Эдейр. Спасибо, что позволили мне с вами поработать!

Она бросилась было к дверям лавки, но он нагнал ее и крепко схватил за руку. Ей стало трудно дышать.

– Так не годится, Дейзи. Я не шутил. Я постараюсь как можно быстрее вернуться, чтобы научить вас летать.

У него был такой вид, будто он намерен сказать еще что-то. Но пауза затянулась.

– Слово скаута! – пробормотал он и быстро зашагал назад к машине.

Дейзи с трудом поборола желание обернуться и проводить его взглядом и, глядя прямо перед собой, вошла в лавку. «Слово скаута!» Она улыбнулась. Не иначе Эдейр Максвелл был в детстве командиром отряда бойскаутов.

– Как дела, Дейзи, детка? – спросила Флора, вязавшая за прилавком пустой лавки.

– Работе конец, мама. Эдейр благодарен тебе за сэндвичи.

– Не стоит благодарности. Надо было привести его к нам на чашку чая.

Эдейр и ее мать, болтающие в гостиной? Никогда! Мать и с викарием-то с трудом разговаривала. Как ей не ударить в грязь лицом перед Эдейром с его безупречной речью?

– Он не настолько близкий друг, мам. И потом, так он, чего доброго, опоздал бы на базу. Если я не нужна тебе в лавке, то поднимусь наверх и приму ванну.

Флора помахала ей своим вязанием.

– Не припомню такого сонного денька! Сама не знаю, почему покупатели не стоят к нам в очереди. Я начала этот носок для твоего отца нынче утром, и погляди: еще два ряда – и перейду к пятке.

Дейзи поднялась в квартиру, включила радиоприемник и тут же бросилась вниз.

– Включи радио, мама! Неудивительно, что в лавке пусто! Не иначе, весь Дартфорд сидит перед радиоприемниками: Чемберлен подал в отставку!

Дейзи и Флора, стоя в необычно тихой лавке, слушали радио, затаив дыхание.

Премьер-министр Невилл Чемберлен лишился доверия правительства и ушел в отставку.

Война, прозванная «странной», на глазах становилась реальнее. Раньше в газетах и по радио задавались недоуменные вопросы о немецком вторжении в Норвегию и, что еще важнее, о неудачной роли Британии в защите этой страны. Теперь немецкие войска пересекли границы Бельгии и Голландии. Лео Эмери выступил в палате общин с язвительной речью против премьер-министра, завершив ее цитатой из Оливера Кромвеля: «Во имя бога, уйдите!»

И мистер Чемберлен ушел.

Теперь, почти в середине прекрасного месяца мая, после изнурительных дебатов, король Георг VI просил Уинстона Черчилля встать во главе настоящего правительства национального единства.

– Все три моих сына служат в армии, – тихо проговорила Флора.

– Подожди, мама, Черчилль со всем этим разберется. Мальчики скоро вернутся домой и расскажут нам о своей геройской храбрости.

– Мне нет дела до героизма, Дейзи Петри. Я хочу, чтобы мои сыновья спали дома, в собственных постелях. Я даже не знаю, где находятся двое из них.

Дейзи обняла мать, показавшуюся ей вдруг очень хрупкой и усталой.

– Они живы и здоровы, просто когда ты на корабле, то не можешь отправить письмо по почте. Кто его заберет и доставит – чайка, что ли?

Надежда дочери оправдалась – Флора рассмеялась.

– Ты уж на меня не сердчай, дочка. Ты совсем как твой отец! Конечно, ты права. Черчилль – это тот, кто нужен на этом месте. Главное, не рассказывай отцу, как я раскисла.

– Он вот-вот вернется. Давай встретим его горячим чаем.

Фред тоже слышал новости, но был настроен оптимистичнее жены.

– Наконец-то мы сможем преподать зарвавшейся Германии урок! Я думал, с них хватит поражения в Великой войне, но иногда уроки приходится повторять. И сделать это должны мы, больше никому!

Как будто этих волнений было семейству Петри недостаточно, рационирование распространили на новый список продовольственных товаров. Многие покупатели стоически

переносили лишения, но встречались и такие, кто горько сетовал и как будто считал, что Петри в силах отпустить им больше, будь у тех желание. Сохранять дружелюбие и спокойствие было порой трудновато.

– Мясо, яйца, сыр, джем, чай, молоко... Что осталось? Крольчатина и рыба? Поймаете – можете лопать в обе щеки!

– Совершенно разумные меры! – Фреда было не так легко смутить, как Флору и Дейзи. – По крайней мере, хватает всем. К тому же яйца и молоко не отпускают по карточкам, а распределяют.

– Как прикажете это понимать, Фред Петри? Это же наши, английские продукты!

– Так и понимать, что курице не скажешь, сколько ей нести яиц, корове не прикажешь, сколько молока она должна дать. Все зависит от поставок. Будет больше – больше и получим, меньше – придется подождать. То, что есть, делим поровну. Это и есть распределение. Все просто.

Позже Фред сказал дочери:

– Пусть они не морочат тебе голову! Я стою в очередях, чтобы получить товар, пускай и покупатели постоят. Будут ворчать – напоминай им, что на дворе война.

Перед магазинами выросли очереди, и с ними почти все смирились. Хозяйки, как Флора и Нэнси Хамбл на ферме, имели полные кладовые консервированных фруктов и много банок джема на кухонных полках, так что им было чем делиться. Глядя на то, как убывают ее запасы, Флора решила кормить семью тостами и лепешками либо с маслом, либо с джемом, а не с тем и другим вместе.

– Жаль, что Грейс уехала, мы бы уговорили ее выращивать клубнику. Альф на будущий год засадит все свои бывшие клубничные грядки картошкой.

– Вдруг война к тому времени закончится, мама?

Мать и дочь грустно улыбнулись. Обе знали, что так быстро эта беда их не минует.

Вестей от братьев Дейзи не приходило вот уже несколько недель. Никто не мог – или не хотел – сказать их родителям и сестрам, куда они подевались. От слухов не было житья. Многотысячная британская армия, так смело отправившаяся освобождать Европу, застряла на французском берегу: впереди море, позади неприятель.

– Мы-то думали, что ничего не происходит, что нет ни войны, ни боев, – шепотом сказала Дейзи сестре Роуз как-то вечером. – А на самом деле в Бельгии, во Франции, в Голландии льется кровь. Наши мальчики, может и наш Сэм, дерутся там.

«А где Эдейр?» – продолжило ее сердце. С тех пор как они доделали самолет, она не получала от него никаких вестей, даже открытки.

Еще несколько дней – и газеты разразились репортажами об эвакуации британских и французских войск из Дюнкерка.

– Наш Фил – моряк, – храбрилась Флора перед покупателями. – Может, он был на каком-то из тех кораблей, спасавших людей. В одном из писем Сэм намекал, что его могут отправить за границу. Нашему Сэму так хотелось повидать дальние края!

– Скоро они будут дома, Флора, – говорила миссис Робертс, одна из самых верных покупательниц. – Подожди! Сама потом скажешь, что я была права.

Но она ошибалась. Шли недели, а от сыновей Флоры все не было вестей.

Дейзи беспокоилась за Эдейра, как ни напоминала себе, что она – всего лишь умелый механик, чинивший вместе с ним самолет. Будь у него время, он бы дал знать о себе родным. Но какие у него родные? Родители умерли, других своих родственников он не упоминал. «Третий кузен, отодвинутый от денег так далеко, как только можно» – эту фразу Альфа, услышанную много месяцев назад, она хорошо запомнила. Но ведь хоть кто-то должен что-то о нем услышать! Она узнает, что с ним, всему свое время.

Из головы у нее не выходило его предложение поступить в ВААФ. В газетах писали, что на девушек вроде Дейзи скоро распространится призыв. Лучше, как советовал ей Сэм, записаться самой, не дожидаясь приказа. Но всякий раз, стоило ей заговорить об этом с родителями, они меняли тему и напоминали, как важно, что она умеет управлять фургоном, что надо продолжать учебу на курсах медсестер и возделывать, пусть даже без энтузиазма, огород пропавшей Грейс. Бывая там, она так больше ни разу и не видела Меган Паттерсон, а Грейс совсем не писала. Салли совершенствовалась на глазах и даже получила небольшую роль в пропагандистском фильме. Иногда заглядывая к Петри, она восхищалась их своим стрекотом о пьесах и мюзиклах, о таких захватывающих вещах, как съемки, и о настоящих, живых актерах-профессионалах.

– Это важная военная работа, – убеждала Салли всех своих друзей. – Мы будем выступать в воинских частях, в госпиталях, это называется «укреплять боевой дух». Кто знает, может, нас даже отправят за моря! Разве не замечательно?

Дейзи в ответ улыбалась и поздравляла подругу. Она не признавалась, что тоже «поднимала боевой дух и ковала победу», хотя ремонт самолета, который в один прекрасный день примет участие в воздушных сражениях, должен был, наверное, засчитываться по этим статьям?

Как очень многие в Британии, Петри любили слушать радио. Фред и Дейзи были пламенными поклонниками нового премьер-министра Уинстона Черчилля. Он не только писал превосходные речи, но и, по мнению Дейзи, «произносил их ничуть не хуже заправского актера». Те его речи, которые не звучали по радио, пересказывались в местной печати, и Дейзи, штудирова газету, старалась мысленно услышать голос премьера. В июне Черчилль предупредил страну, что скоро грянет сражение. Дейзи столько раз перечитывала эту его волнующую речь, что при желании могла бы слово в слово повторить ее наизусть.

До глубины души тронутая черчиллевским красноречием, Дейзи полагала, что отпустить по карточкам еду – далеко не лучшее занятие для нее. Однажды, оставшись с глазу на глаз с отцом в лавке под конец рабочего дня, она осмелилась затронуть эту тему.

– Папа, я хочу записаться во Вспомогательные женские подразделения ВВС. Заставь маму меня выслушать! Разве я могу довольствоваться отовариванием карточек наших покупателей? Ведь я хороший механик. Эдейр даже обещал научить меня летать! – Она осеклась: выдавать свой сокровенный секрет совершенно не входило в ее намерения.

Во взгляде Фреда читались любовь и тревога.

– Летать, дочка? Как пилот на самолете, что ли?

– Конечно, папа! Эдейр говорит, что я ничуть не глупее некоторых его учеников-мужчин. Он хвалит мои навыки механика.

– Что ж, не зря я и ребята тебя этому учили! Но чтобы девочка из дартфордской лавки стала летчицей ВААФ? Он попросту морочит тебе голову, я ему так и скажу.

– Он утверждал, что я могла бы стать летчицей, папа. Кто говорит о летчиках ВААФ? Летчики служат в королевских ВВС.

– Предположим, он не шутил, когда говорил, что из тебя получилась бы летчица. Но его нет здесь уже несколько недель, ты о нем ничего не знаешь – если бы знала, твоя мать мне бы сказала. Лучше забудь о нем, Дейзи. Такие, как он, не твоего поля ягода. Дело совсем не в том, что ты хуже него, ты ни капельки не хуже, но смешивать вино и воду – значит портить то и другое. – Он сочувственно посмотрел на дочь. – Смотри не потеряй из-за этого парня голову, Дейзи. Знаю, как это захватывает: все как в кино, там богатый герой увозит девушку на белом коне в счастливую жизнь. Но кино и книжки – это одно, а настоящая жизнь – совсем другое. Не вздумай... Не станешь же ты за ним бегать?

Дейзи смотрела на своего отца – доброго, заботливого, добросовестного Фреда Петри – и думала о том, как ей, в сущности, повезло.

– Папа, у нас с Эдейром все по-другому. Мы друзья, и больше ничего. Мы вместе ремонтировали мотор. Этот самолет точно будет летать.

Взгляд отца стал пытливым.

– Зачем тогда тебе поступать в ВААФ, милая? Ты ведь не знаешь, где он. Вдруг его больше нет в живых?

Эти слова чуть не свалили Дейзи с ног, как пощечина.

– Как ты можешь так говорить? Конечно, он жив, просто... просто занят и... – Дейзи замялась. Она чуть не плакала – и если это случится, слезы будет не унять. От Эдейра не было вестей – точно так же, как от Сэма, Рона, Филадельфии...

– Лучше смотреть в лицо фактам, доченька. Все мы волнуемся. Твой приятель – летчик. Эти парни летали в Дюнкерк, помогать попавшим в окружение. Некоторые самолеты падали, их сбивали.

– Все равно, скажи маме. Я попробую. Никто из них не погиб, и когда – то есть если – Эдейр захочет меня учить, ему будет нетрудно меня отыскать.

Фред грустно покачал головой, отвернулся и покинул лавку. Дейзи села и прислушалась к его шагам на лестнице.

Вечером Роуз уговорила Дейзи пойти с ней и с компанией ее друзей и подруг с оружейной фабрики на танцы. Это был шанс выгулять ее изумрудно-зеленое платье из искусственного шелка, перешитое матерью для лета, – то, что надо для танцплощадки: вырез в форме сердца с желтой окантовкой и белые цветочки на подоле, которые Флора вышивала зимними вечерами. Но все попытки Дейзи настроиться на веселый лад провалились: ей не удавалось забыть, что все танцующие, кроме нее одной, укрепляют обороноспособность страны. Время, проведенное в противопожарном дозоре и на курсах первой медицинской помощи, она не учитывала – это не была реальная деятельность. Рассуждения отца о важности честной работы лавочника в столь тревожное время ее ничуть не убеждали. Слишком это просто, говорила она себе. Если не считать редкой доставки продуктов по адресам – но и той скоро придет конец, когда оправдаются слухи о скором рационировании бензина, – то ей даже не приходилось выходить под дождь. Нет, пора решаться!

Полуболевшись на сестру и на всю ее компанию, радостно предававшуюся танцам, Дейзи тихонько улизнула. Роуз, конечно, решит, что она нашла себе партнера на другом краю зала. Ребята с «Виккерс» – хорошие кавалеры, они непременно проводят всех девушек домой, так что за сестру она могла не беспокоиться. Стэн, часто приглашавший Роуз танцевать, пользовался доверием всего семейства Петри.

Улицы, по которым Дейзи торопилась домой, выглядели чужими – такое впечатление производило затемнение. Там и сям спешили по своим делам жители, старавшиеся нигде не задерживаться; неподвижный летний воздух не оглашали ничьи приветствия. Увидев впереди знакомые очертания лавки, она замедлила шаг на случай, если родители еще не легли спать. Тогда они непременно спросят, почему она ушла с танцев, почему никто ее не проводил. Остановившись перед витриной, она стала искать ключ от боковой двери. Кошелек для мелочи, в который она клала ключ, лежал в глубоком кармане пальто, и пока она его оттуда выуживала, из проулка за лавкой донесся странный звук.

Ей на память тут же пришли отцовские предостережения. Он неустанно твердил ей и сестре об опасности «возвращения домой в одиночестве, в темноте», и она приросла к месту, напрягая слух.

Шорохи, шуршание, приглушенные голоса... У боковой двери, ведущей в квартиру, кто-то возился, и, похоже, с недобрыми целями. Как ей поступить? Родители, даже если они еще бодрствовали, находились на другой стороне дома, и даже если она высадит витрину лавки – она еще не представляла себе, как это сделать, – Фред, вероятно, ничего не услышит.

А вдруг, расколов стекло, она увидит всего лишь влюбленную парочку, прячущуюся от чужих глаз?

Что с тобой, Дейзи Петри? Война в разгаре, ты хнычешь, что тебе надоело бездельничать, но вот подворачивается шанс – и ты опускаешь руки! Затаив дыхание, она снова прислушалась. Что за треск? Так трещит огонь!

Дейзи выскочила из-за угла и увидела горящий ящик из-под чая, который двое парней приставили к деревянной двери – но не самого дома, а гаража на другой стороне проулка.

– Прекратите! – крикнула она.

Парни застыли – но всего на мгновение.

– Врежь ей, Джейк! – крикнул тот, что повыше. – Дверь уже занялась!

Джейку было страшно бить Дейзи, которая качала головой со смесью печали и злости. Она узнала этих двоих: они постоянно толкались среди покупателей, надеявшихся на скидки. Ей хватило одного взгляда, чтобы понять, что они пытались высадить дверь, прежде чем ее поджечь. Вот дураки! В гараже стоял фургон семейства Петри. Не на него ли они покушаются?

Для начала она попыталась их припугнуть.

– Сейчас прибежит старший противовоздушной бригады, и не один, а с полицейским. Вы и ахнуть не успеете, как угодите в исправительную колонию, и там...

Договорить она не успела. Старший, более сильный парень, разозлившийся на помешавшую им Дейзи и на Джейка, у которого не хватило духу ей врезать, сам налетел на нее и сбил с ног. Последнее, что она услышала, был крик: «Господи, Джордж, ты же ее убил!»

Дейзи очнулась спустя два-три часа с невыносимой головной болью. Ее ужасно тошнило. Следующие пятнадцать минут она чувствовала себя так отвратительно, что беспокоиться о скромности было недосуг. Тем временем незнакомые умелые руки раздели ее и тщательно вымыли.

– Ну, теперь тебе точно полегчает! – раздался ласковый ирландский голос. – А какое на тебе красивое платье, настоящий ирландский зеленый цвет! Честно говоря, странное сочетание: такое платье – и уличная драка!

Драка? Дейзи попыталась сесть, но тут же рухнула на подушку от взрыва боли в голове.

– Я умерла? – услышала она собственный голос.

– Чего нет, того нет, хотя с шишкой размером с яйцо на затылке немудрено хотеть умереть. Учти, я мою тебя второй раз меньше чем за час, так что ты уж постарайся, будь умницей, не дергай головой и не колыхай желудок, у меня есть о ком заботиться, кроме тебя.

Дейзи замерла. Она не смогла бы шелохнуться, даже если бы захотела: медсестра – если ирландка была медсестрой – туго спеленала ее белыми крахмальными простынями.

– Так, теперь я впущу к тебе твою мамочку, но только на пять минут, а потом спать!

Дейзи ничего не воспринимала, кроме своей боли. Потом раздался знакомый голос, она почувствовала родное прикосновение.

– Дейзи, доченька моя, тебя же чуть не убили! Тебе повезло, что подросли Роуз и Стэн.

Роуз и Стэн? А кем были нападавшие? Дейзи опять закрыла глаза и, отдав матери руку, задремала.

Снова она очнулась гораздо позже, на узкой больничной койке. Как выяснилось, ее поместили в женское отделение больницы графства.

– Вашему черепу сильно досталось, мисс Петри. – Врач мерил ей пульс, глядя на нее с сочувствием. – Вы, похоже, проявили героизм: не дали юным вандалам поджечь ворота гаража. Пожар мог бы привести к самым печальным последствиям. Сюда наведывался полицейский, чтобы с вами потолковать, но прежде чем это позволить, мы должны хотя бы немного вас подлечить.

– Мои родители?..

– Они навестят вас во время, предназначенное для посещений. Если вы готовы поесть, предупредите медсестру. Овсянка вышла вкусной! – И врач ушел.

Дейзи лежала, вспоминая, как все произошло. Кто-то обратился в полицию. Неужели ее отец? Вряд ли он поступил бы так с этой невезучей семьей, вечно едва сводившей концы с концами. Сыновья, Джейк и Джордж, и так были не в ладах с законом...

«Что если я так и не вспомню, как все было...» – Дейзи сама удивлялась тому, как странно работают ее мозги, обычно хорошо различавшие добро и зло.

Глава 4

Дейзи не ждала, что ее навестят днем, между четырьмя часами и временем закрытия лавки, когда там наплыв покупателей, поэтому ее порадовал визит мисс Патридж. Та, в воскресной шляпке и в перчатках, стремительно приближалась к ней по палате, мимо длинных рядов одинаковых железных коек.

«Она определенно не ко мне», – подумала Дейзи и закрыла глаза, чтобы мисс Патридж не чувствовала себя обязанной к ней обратиться.

– Дейзи, милочка, если ты утомлена, я исчезну...

Дейзи попыталась сесть, но не смогла из-за головной боли. Однако глаза она открыла.

– Бедненькая! Надеюсь, ничего серьезного?

– Нет. На всякий случай меня продержат здесь до завтра. Шишка и головная боль – вот и все. Если не считать этого, я здорова.

Мисс Патридж придвинула к койке табурет и села.

– Я тоже лежала в больнице, только давно. Помню, папа принес мне великолепную корзину фруктов. Боюсь, нынче свежих фруктов не сыскать.

– Война есть война, – произнесли они хором и засмеялись.

Дейзи все утро раздумывала над своей главной проблемой. Можно ли быть с мисс Патридж откровенной?

– Зато я принесла тебе, милая Дейзи, коробочку вышитых носовых платков – не бойся, неиспользованных! В такой ситуации они очень даже могут пригодиться... А мистер Фишер передал тебе вот это. – Мисс Патридж открыла свою объемистую, выдавшую виды кожаную сумку и достала из нее книгу в изысканном сафьяновом переплете. – Разве не чудо? «Золотая сокровищница...» Пэлгрейва! Мистер Фишер сказал, что это была его первая книга стихотворений на английском языке. Он очень надеется, что она тебе понравится. Он ее для тебя написал.

Дейзи открыла книгу и увидела надпись не очень разборчивым мелким почерком на тонкой внутренней странице: «Дейзи, моему главному английскому другу, с надеждой, что на этих страницах она найдет слова, от которых ей полегчает. Зигфрид Фишер».

Полная признательности и воодушевления, почти счастливая, Дейзи пролепетала:

– Даже не знаю, как вас обоих благодарить...

– Наслаждайся подарками, милая, это и будет лучшая благодарность. А мне пора.

Дейзи протянула руку, чтобы задержать мисс Патридж.

– Вы не спросили, что случилось...

– Флора рассказала, кого видела Роуз. Все могло кончиться гораздо хуже, Дейзи. Джордж и Джейк Престоны все больше превращаются в диких зверей. Извини, дорогая, но, если ничего не сделать сейчас, оба скоро угодят за решетку.

Дейзи ничего не ответила. Она знала этих мальчишек и их мать с тех пор, как они переехали в Дартфорд шесть лет назад. По слухам, их отец сидел в тюрьме. Петри знали в точности одно: за мальчиками плохой уход, а старший, четырнадцатилетний Джордж, совсем отбилась от рук.

– Джейк станет таким же неуправляемым, как Джордж, если ничего не предпринять, Дейзи. Он ходит за Джорджем как собачонка – что ему брат говорит, то и делает.

– Нет, мисс Патридж. Джордж велел ему меня ударить, а он не стал.

К ее удивлению, мисс Патридж рассмеялась:

– С тобой Джейку было не сладить!

– Где ему, с ломом в руках!

Мисс Патридж посерьезнела и опять села на табурет.

– Тем более ты обязана рассказать о них полиции. Попытка взлома, поджог, причинение серьезных увечий... Дальше будет только хуже.

Дейзи попробовала отрицательно помотать головой и застонала от боли.

– Прошу вас, мисс Патридж, не надо. Они же совершенно нищие! Я бы одолела Джорджа, если бы он не застал меня врасплох. Как с ним поступит полиция?

– Отправит в исправительное учреждение, и это пойдет ему на пользу, дорогая. Ты слишком мягкосердечна.

– А если его отец сидит в тюрьме? Полиция наверняка решит, что сынок пошел в папашу. Пожалуйста, мисс Патридж!

– У них вопросы к тебе, а не ко мне. Я никому ничего не скажу. Если ты совершенно уверена...

– Да.

Мисс Патридж смягчилась, что лишь укрепило решимость Дейзи. Парню необходимо дать еще один шанс.

Когда полицейский подсел к койке Дейзи Петри под конец того же дня, она, полностью отдавая себе отчет в происходящем, не стала лгать, но выглядела рассеянной.

– Лекарства, – подсказала медсестра-ирландка. – И удар по голове. Дайте ей несколько дней на поправку.

И представитель закона удалился.

Назавтра, выписавшись из больницы и вернувшись домой, Дейзи столкнулась с тем, что отец ее не поддерживает.

– Дейзи, этот оболтус чуть не поджег наш гараж. В баке фургона есть бензин, он бы вспыхнул как факел. Что было бы с домами вокруг?

– Он только хотел сжечь дверь, чтоб попасть внутрь.

– «Только»? Ты в своем уме?

– Папа, он хотел угнать фургон, а может, думал, что ты хранишь в гараже еду. Они всегда стараются купить что-нибудь по скидке, они тощие, как... – Не придумав подходящего сравнения, она грустно закончила: – Ужасно тощие!

– Дейзи, доченька, ты известная заступница за несчастных, за увечных, за лентяев. Этот сопляк совершил преступление. Еще немного – и он бы тебя убил!

– Еще чего! Он застал меня врасплох, только и всего. Это я опростоволосилась, не сумела их прогнать. А полицейский хочет перевести его в специальную школу. В классе Сэма учился парень из такой школы – он вышел оттуда еще более злым.

Поняв, что согласия не достичь, Дейзи удалилась к себе в комнату и прилегла. Но теперь, как ни удивительно, за нее взялась мать.

– Дейзи, к нам приходил полицейский. Ты говорила ему, что не можешь вспомнить, как все было?

– Я сказала, что было темно, хоть глаз выколи, и что я видела только две фигуры. Судя по размерам, это были подростки.

– Они возьмут их под строгий надзор.

– Вот и славно, мама. Я предупрежу Джорджа, он постарается больше не оступаться.

Флора, качая головой, вернулась в лавку. Когда стихли шаги на лестнице, Дейзи осторожно села в постели. Взрыва боли на этот раз не было, тупой ломоты тоже. Она кое-как слезла с кровати.

«Я в полном порядке, – решила она, – значит, можно возвращаться к работе». Она оделась и присоединилась к матери в лавке. Флора встревожилась, но решение Дейзи было твердым. После этого она стояла за прилавком каждый день на час дольше, чем в предыду-

щий, пока не набрался полный рабочий день. Джордж и Джейк как в воду канули. Покупки для их матери делала соседка, объяснявшая, что миссис Престон занята.

– Мне надо на воздух, мам, – обратилась Дейзи к матери. – Отпустишь меня на полчаса?

– Я простаивала здесь по восемь часов, пока ты лежала в больнице. Ступай! Только помни, тебе вредно утомляться.

Заверив мать, что усталость ей не грозит, Дейзи покинула лавку и отправилась в квартал бедняков, где жили Престоны. Джордж подпирал спиной стену дома, вертя в руках пачку сигарет «Капстан». Медленно, показывая, что не боится, – хотя Дейзи видела по дрожанию пачки, что руки у него ходят ходуном, – он оторвал костлявую спину от шершавой кирпичной стены и уставился на нее.

– Твоя мать дома?

Вместо ответа он указал пальцами с зажатой горячей сигаретой на дверь.

– Как ты будешь целоваться – с табачной вонью изо рта? – бросила ему Дейзи и вошла в дверь.

Миссис Престон, увидев ее на пороге, со страху чуть не выронила тарелку, которую вытирала. Посторонившись, она позволила гостье войти.

– Ты накапаешь легавым?

– Надеюсь, у Джорджа не было намерения отправить меня на больничную койку, миссис Престон.

Та громко разрыдалась. Между всхлипами она поведала Дейзи длинную душераздирающую историю про то, как трудно растить мальчишек на те гроши, что у нее есть, почти не получая помощи от мужа, который, по ее словам, только и делал, что выходил на свободу, а потом опять садился в тюрьму, как последний простофиля.

– Когда он здесь, то обращается с Джорджем слишком грубо, даже жестоко. Не везет мальчику, что тут скажешь...

– Поймите, если бы дверь занялась, сгорел бы гараж вместе с фургоном и всем остальным. Фургон вообще взорвался бы, и тогда пострадали бы, а то и рухнули дома на обеих сторонах улицы. Вы пробовали ему это втолковать?

Невыносимые рыдания стали еще громче:

– Он меня не слушается...

– Лучше пусть послушается меня, иначе я отправляюсь отсюда напрямик в полицейский участок!

– Прости, что тебя стукнул. Ну, чего еще? Говори! – Джордж, докурив, вошел в дом так тихо, что застал мать и Дейзи врасплох.

Не забывая, что перед ней всего лишь четырнадцатилетний подросток, Дейзи повторила то, что говорила его матери.

– Моя сестра сказала полицейским, что видела убегающего парня, но так испугалась за меня, что точно не знает, кто это был. У тебя такая плохая репутация, Джордж, что полицейский, говоривший со мной, готов упечь тебя в исправительную колонию. Что ты об этом думаешь?

– Там хоть кормят три раза в день! – сказал он с показным бесстрашием.

Его мать снова завывала. Некоторое время они переругивались, почти не слушая друг друга.

– Ну-ка, тихо, оба! – прикрикнула, не вытерпев, Дейзи. – Может, тебя и вправду лучше было бы упрятать за решетку, Джордж: судя по твоему поведению, ты все равно туда угодишь. Если не хочешь – изволь работать по субботам, пока не доучишься в школе.

– Думаешь, я не пытался? Никто меня не берет.

Его репутацию знал весь Дартфорд. Неужели у него с младшим братом действительно не будет никакой дороги в жизни?

– Ты обращался к моему отцу?

– Ты свихнулась? Я чуть не поджег его фургон!

– Сиди и не рыпайся, пока я что-нибудь не придумаю. Сорвешься – я обращусь в полицию вот с таким списком жалоб! Понял?

Он смотрел на нее в упор, но понять выражение на его лице было невозможно.

– Ты готов попробовать?

Она удовольствовалась его кивком и с облегчением выскочила из грязной сырой хибары. Там было еще хуже, чем в доме, где раньше ютилась Грейс. Та по крайней мере заботилась о чистоте и порядке.

Теперь предстояло обработать отца.

Фреду Петри совершенно не улыбалось принять на работу сорванца, от которого у всех до сих пор были одни неприятности.

– К тому же мне ни к чему какой-то мальчишка, Дейзи. Чем он займется?

– Меня скоро призовут, папа. Что будет тогда?

– Тогда и подумаю, кого взять в помощники. Найду кого-нибудь понадежнее, а не оборота, чуть не убившего мою дочь и собиравшегося поджечь мой гараж!

– Если бы ты взял его хоть на часик после уроков, я бы помогла ему освоиться.

В конце концов Фред согласился, вопреки своему желанию, «попытаться спасти это ходячее горе от тюрьмы».

Джордж недовольно ворчал, но под угрозой отправки в исправительное заведение нехотя смирился.

Теперь каждый день младшие Престоны плелись после школы – если Джордж изволил посетить уроки – в лавку Петри, где им поручали прибираться на полках, разбирать ящики, иногда даже разгружать фургон перед закрытием. Потом их отправляли наверх и заставляли тщательно мыть в раковине руки, после чего усаживали за стол, на который Флора с удовольствием ставила сытную горячую еду. Джордж помалкивал, всегда отказывался от добавки и терпеливо ждал, пока младший брат справится со второй порцией – тот уплетал бы и третью, и четвертую, если бы предложили.

Дейзи тоже ничего не говорила, но им с матерью радостно было наблюдать, как мальчишки отъедаются на глазах.

– Видишь, Фред? Что я тебе говорила? – твердила Флора, уже забывшая, что сначала не хотела впускать этих волчат в своей безупречно вычищенный дом.

– Леопардам не избавиться от пятен, – упорно отвечал на это ее муж.

Дейзи спокойно строила планы и готовилась. Наконец, решение было принято. Если она просидит дома еще немного, то непременно получит письмо о зачислении в бригаду чистильщиц картофеля на какой-нибудь богом забытой базе, а то и – что еще хуже – назначении куда-нибудь кладовщицей. Она постоянно читала о таких вариантах службы, но с нее хватало семейной лавки и кладовой. Настанет день, когда она вместо того, чтобы жевать сэндвичи за шторкой в лавке, поедет на велосипеде на призывной пункт и попытается добиться желаемого. Она настраивала себя на лучшее. Вот если бы она еще купила тот потрясающий костюм из витрины «Хоррелл энд Гофф» на Хай-стрит, который видела на прошлой неделе! Сама элегантность, именно то, что следовало бы носить молодой военнослужащей ВААФ, да еще ее любимой расцветки! Белый льняной жакет без воротника, на запонках, как манжеты лучшей отцовской рубашки, а под ним бело-голубое платье без спины и рукавов в новомодную диагональную полоску, с воротником и галстучком – с ума сойти!

На голове у манекена, одетого в это платье, красовалась надвинутая на один глаз шляпка. Не иначе последний писк моды! Шляпка – это уже лишнее, но, ужавшись, можно было бы наскрести два фунта и два шиллинга на костюм.

Однако от перспективы потратить на тряпки все, что скопила на отпуск, ее бросило сначала в жар, потом в холод. Пришлось с сожалением отодвинуть заманчивую картинку – она в чудесном наряде – на задворки сознания. Хотя офицер на сборном пункте, увидев ее в таком виде, непременно сделал бы стойку и взял ее на заметку.

«К тому же, Дейз, – утешала она себя, – к такому наряду непременно нужна шляпка, не говоря о хороших туфельках, сумочке, шелковых чулочках за три шиллинга пара...»

А потом ей в голову пришла мысль, что Эдейр Максвелл наверняка знает немало девушек, которые приобрели бы все это без рассуждений. Думать об Эдейре ей не хотелось, поэтому она ничуть не сожалела, что весь следующий час ей не давал скучать дверной колокольчик лавки.

Берни Джонс и старый Фишер зашли вместе. Странно было видеть Берни неулыбающимся.

– Где твой отец, Дейзи?

У нее похолодело сердце. Тон Берни ей сразу не понравился.

– Он поехал за полагающейся нормой бензина. Но здесь мама, она наверху.

– Пришла телеграмма из армии, девочка. Наверное, твоей матери лучше не читать ее одной. – И он вручил ей тонкий желто-коричневый конверт. Дейзи успела удивиться тому, что у них одинаково дрожат руки.

– Я оставлю его закрытым до возвращения отца. Он будет с минуты на минуту. Мало ли о чем здесь написано... – Видя, что ее добрый и щедрый друг Фишер отступает к двери, она окликнула его: – Ваша газета и, наверное, сосиски, мистер Фишер? Не уходите, сейчас все будет готово! – Она попыталась весело улыбнуться. – Спасибо, Берни, до завтра.

Почтальон молча вышел, и Дейзи отправилась в подсобку за сосисками.

– Мне очень жаль, Дейзи, – проговорил Фишер через силу. – Новости могут оказаться плохими. Но мы верим в Бога, а не плохим новостям. Вот и твой отец. – Он положил на прилавок полкроны. – Сдача может подождать до завтра.

Дейзи и ее отец, вошедший со своей обычной жизнерадостной улыбкой, тут же сменившейся на выражение испуга, остались в лавке одни. Оба не сводили глаз с лежавшего между ними на стойке конверта.

Фред долго смотрел на него, боясь прикоснуться.

– Повесь на дверь табличку «Закрыто», милая. Потом мы поднимемся с этим к маме.

Дейзи с отчаянно бьющимся сердцем сделала как ей велели. Она хотела добавить записку для Джорджа, но решила, что ко времени его возвращения из школы они уже откроются.

«Г-ну Ф. Петри, срочно. 21, Хай-стрит, Дартфорд, Кент.

С сожалением сообщаем, что Ваш сын сержант Сэмюэл Петри пропал без вести во время боевых действий в ночь на 2 июня.

Подробности письмом».

Фред не стал вглядываться в даты. Какое они имеют значение?

– Будь умницей, Дейзи, сделай своей матери чаю.

В кухне Дейзи старалась думать только о простейших вещах, вроде заваривания чая. Она не могла собраться с мыслями и зажмурилась в надежде, что от этого в голове прояснится. Без вести?.. Нет, занимайся чаем! Как? Вскипятить воду, нагреть чайник, найти любимую мамину чашку – как будто она обратит на это внимание... Дейзи ловила себя на автоматических движениях, как у фарфоровой куклы, с которой ее однажды, усмехнувшись,

сравнил Эдейр. Пытаясь вспомнить тот их разговор, она запрещала себе думать о клочке бумаги с несколькими страшными строчками.

– Мой Сэм – сержант, Дейзи.

Ее родители сидели рядышком на тахте, Фред крепко держал Флору за руку.

– Отпусти, Фред, иначе я не смогу пить чай. Молодец, что положила мне сахару, Дейзи. Однажды я отказалась от сахара во время поста – да так и привыкла.

– Пособие по первой помощи рекомендует класть сахар, – сказала Дейзи, тоже прихлебывая из чашки.

– Он учил тебя думать, как поступать, Дейзи. – Флора, всхлипывая, глотала чай. – Сержант! Он капралом-то стал всего пару месяцев назад!

– Сэм – хороший солдат, мама.

Флора так резко поставила чашку, что пролила чай на блюдце.

– Мой Сэм всего лишь пропал, пропал, это еще ничего не значит... О Роне и о Филе ни слова, может, с ними все в порядке...

Фред встал.

– Не лучше ли тебе прилечь, родная? Дейзи, побудь здесь, я присмотрю за лавкой.

Мать уже давно забылась сном, а Дейзи все сидела у ее изголовья и изо всех сил заставляла себя надеяться на лучшее. Покупка костюма стала бы непростительным транжирством. Как она радовалась теперь, что вовремя дала себе по рукам! Запись в ВААФ пока придется отложить. Как можно оставить родителей после того, как пропал Сэм? Вот узнают, что он нашелся, тогда можно будет попытаться опять. А пока что ее место, нравится ей это или нет, – рядом с матерью.

Нашелся ли бы во всей стране хоть один счастливый человек? Следующие несколько месяцев были для Дейзи мучительными. Флора чахла без известий от сыновей, и все, что она делала раньше по дому и в лавке, теперь легло на узкие плечи Дейзи. Она еще крепче подружилась с Фишером, заходившим в лавку едва ли не каждый день и подолгу обсуждавшим с Дейзи новости, даже смеявшимся с ней на пару над какой-нибудь недавней радиопостановкой. Обоих очень забавлял Томми Хэндли, обоим нравилась Мона Лотт с ее коронной фразой: «Как же мне весело, сейчас под стол загремлю от смеха!» У Фишера с его легким немецким акцентом это получалось еще смешнее.

В начале каждого дня они надеялись, что дверной колокольчик оповестит о приходе почтальона с доброй вестью. Именно тогда, когда Дейзи совсем уже приготовилась сойти с ума, пришло письмо – не из военного ведомства, а от среднего брата Фила.

– Если вы мне доверяете, Дейзи, я подежурю в лавке, пока вы сбегаете наверх, – предложил Фишер.

– Вам я доверяю больше, чем кому-либо еще! Я только на минутку!

И Дейзи, перепрыгивая через ступеньки, ринулась наверх.

– Гляди, мама, это от Фила, с его корабля!

Прежде чем открыть письмо, Флора прижала его к сердцу.

– Лучше прочти мне его вслух, Дейзи, у меня слезятся глаза.

Дейзи быстро соображала. Кто может заявиться в этот час? Разве что викарий, а его вполне можно доверить Фишеру.

– Только я быстро, мам, я оставила в лавке мистера Фишера, мне перед ним неудобно...

– Он умный человек, Дейзи, твой отец называет его очень образованным, у него перед именем разные буквы. Понадобись ему – он подойдет к лестнице и крикнет.

«Простите, что не писал, очень занят, а сначала на корабле тошнило от качки. Теперь все прошло. Я даже научился ходить вразвалочку, как настоящий моряк. Мы были в деле – вот и все, что можно рассказать. Вы не

слышали такого грохота и, надеюсь, никогда не услышите, но мы выдержали. Наш капитан – важный джентльмен, но очень славный, говорит, что нам положены медали. Может, и наградят.

Учиться корабельной службе было весело, хоть и страшновато, все равно что играть в Тарзана в лесу. Помнишь, мама, как ты кричала на нас, когда мы прыгали с дерева на дерево, а ведь многие, с кем я служу, раньше не видели цветущего дерева, тем более не лазили по веткам. Но это проще, чем было у нас. Есть тут на корабле одна штукавина, зовется «спасательной беседкой», вроде твоей яблочной оладыи, но на веревке. Лучше тарзанки, только...»

– Дальше не разобрать, мам. Потом он рассказывает, что научился узнавать любые самолеты. Все, мне пора. – Она сунула счастливой матери тонкий листок, подпорченный морской водой, и побежала вниз. В этот момент снова зазвучала сирена.

У Петри не было сада, где можно устроить бомбоубежище, поэтому они приготовили более-менее безопасное помещение на случай авианалета внутри дома. В кухне было всего одно окно и только две внешние стены, поэтому они решили прятаться там. Но им сказали, что безопасная комната ни в коем случае не должна находиться на верхнем этаже.

«Зажигательная бомба пробьет крышу и долетит до нижнего этажа, – предупредили их. – У вас есть подвал? Лучше всего отсиживаться там, а за неимением подвала – на нижнем этаже».

Подвала в доме не имелось, зато была кладовая между лавкой и задней дверью – самое, как их заверили, лучшее место. Маленькое оконце впускало совсем немного света, и только одна внешняя стена отделяла от улицы. Петри вынесли как можно больше продуктов в коридорчик, остальное, главным образом консервы, оттащили наверх. Дейзи совсем не улыбалась мыслью о том, чтобы таскать банки вниз, но отец напомнил ей: «Война все-таки!»

В тесной кладовой, где немудрено было заболеть клаустрофобией, появились свечи, спички, старая керосиновая лампа и канистра с керосином, несколько термосов для еды, бутылки с водой. Каждый вечер Флора и одна из ее дочерей наливали в один из термосов чай и ставили его в кладовую. Предлагалось установить там радиоприемник, так как налеты могли длиться по несколько часов, но в кладовую не провели электричества, поэтому драгоценный приемник «Беклайт» так и остался на старом комодике бабушки Петри в кухне. Развлекаться собирались обычными картами и старыми настольными играми: «Змейки и лесенки» и их любимый «Фермерский двор» с коварным лисом Фредди. Всем уже поднадоело бегать в кладовку, как только завоет сирена, тем более что тревога раз за разом оказывалась ложной. Но каждый день она могла стать настоящей.

Флора и Дейзи по привычке заторопились вниз. Флора кинулась в их семейное убежище, но Дейзи, заглянув в лавку, увидела, что Фишер все еще стоит за прилавком в фартуке Фреда.

– Мистер Фишер, вам пора в ваше убежище!

– Это далековато, Дейзи, лучше я спрячусь под прилавок.

Дейзи не медлила с решением. Заперев дверь лавки, она крикнула:

– Живо в наше с мамой убежище! Отец укроется в другом месте. У нас хватит для вас места.

Если Флора и удивилась тому, что к ним присоединился один из покупателей, она не проявила при виде старика ничего, кроме гостеприимства.

– Здесь гораздо лучше, чем ваше бомбоубежище, мистер Фишер.

– У вас тут шикарно, миссис Петри! У меня в убежище поселилась целая тараканья семья, а также другие существа, которые заинтересовали бы энтомологов. – Он посмотрел

на их непонимающие лица и засмеялся. – Прошу прощения, леди, трудно расстаться с прежними привычками. Речь обо всяких ползучих тварях, Дейзи.

– О! – сказали хором мать и дочь.

– Вы были учителем, мистер Фишер? – спросила Дейзи. – Там, в Германии?

Флора пробормотала что-то о неуместном любопытстве, но Фишера вопрос как будто не смутил.

– В некотором смысле, – коротко ответил он.

– Посмотри, Дейзи, чай еще теплый? В коробке есть печенье, мистер Фишер.

Чай уже совсем остыл, но все трое сделали вид, что он вполне горячий. Флора попросила Дейзи прочесть гостю письмо от Фила.

– Поверите ли, я тоже скакал по деревьям, как какой-нибудь Тарзан! – воскликнул Фишер. – Знаю, на вид я совсем старый и сутулый, но ведь и я был когда-то мальчишкой, как ваш Фил.

Когда он договорил, отвратительный вой на улице прекратился, наступила сладостная тишина. Троица переглянулась, улыбаясь, и стала ждать отбоя тревоги, чтобы покинуть убежище и вернуться в лавку.

– Выпьете горячего чаю, мистер Фишер?

– Нет, благодарю, миссис Петри. Я обещал научить викария пользоваться новым насосом. Из мистера Тайвертона получится лучший противовоздушный наблюдатель во всем Дартфорде. Мало кому понравится это занятие – часами сидеть одному на церковной колокольне или еще в каком-нибудь высоком месте, но он верно говорит: если викарий пропустит свою очередь защищать церковь, то как ему ожидать добросовестности от других?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.